

Французская пезорія литературы XVIII в.

и взорую Дидонскую диссертацію посвящено магистрату своего
одегесуба. Это посвящение со стороны слога принадлежеть къ
числу лучшихъ страницъ французской прозы, когда либо напи-
санныя. Премде, чьмъ Руссо сооталелъ литературной знамени-
зостью, онь уже пользовалелъ извѣстностью, какъ музыкантъ,
написавъ двѣ маленскія оперы: первая, Les ames galantes —
сухая и холодная аллегорія, не имѣла — какъ мы уже знаемъ —
никакого успеха; вторая — Деревенскій колдунъ; напротивъ,
набрала большаго шума. Но музыкальная слава Руссо дав-
но забыта. Гораздо выше стоить Руссо, какъ поэтъ. Конечно,
и его драматическія опера — Пигмалионъ, Маризель — не зна-
чительны; но зато въ его романы, Новая Элоиза (la Nouvelle
Heloise) какъ много мудрой сураси и изумно-поэтического
чувства, — что онь представляеть одно изъ самыхъ замѣрившихъ
дѣлений не только французской поэзіи, но и вообще всемирной
литературы. Но подробности объ этомъ романѣ мы будемъ познее.

Теперь премде всего скажемъ о Писемѣ Руссо къ
Даламберу. Именно это Писемко одновременно съ мал-
кими прозвѣниками Вольтера выстуило публично какъ
опасный оппонентъ Руссо, сосредоточившій на своей обособ-
ленной полемикѣ всеобщее вниманіе. Писемъ потюдки
Даламбера въ Ферри и соседняго Менева явилася въ
VII томѣ Энциклопедіи сурась объ этомъ городѣ, вообще
благопріятная меневчань, но оутмѣчивая чуждость
и недержимое насуровь, въ особеннмъ случаѣ сказывающійся

въ шль браждебности взгляды на театры и попытки по,
 мотажу Волгереу черкнуть у себя сцену. Влихвельствы въ го,
 роды мнѣ оскорбили не только эти упрёки, но и похвала, со,
 въ XVI ст. ^{Французскому драматургу} ^{Жану-Батисту Ламартину}
 "Минимизму" менескаго дурловенсва, будо би озвергающего
 зайнесва, мопизвы, обрѣдмоев. Руссо поручили озвотчав на
 срасто энциклопедии, и въ 1758 г. появилось его, Писмо
къ Даламберу по поводу театральнахъ предразвлений, про,
 изведение почти такое же впекартское, какъ и диссерта,
 ция о вредѣ науки. Разрывъ между Волгереомъ и Руссо
 окончательна назрѣлъ.

Если предвидя произведенія Руссо, какъ насстойливо у,
 влекавшаго общесва въ сторону, прозивонополосицу энци,
 клопедизму, многинъ казалас измышленными оумель,
 ника, додумавшагося въ одиноесва до зуманнахъ пара,
 доксавъ, зо съ писма къ Даламберу начинаеся озверливо
 вынеовиваеся мнкое авзора, козорый видино хогенъ
 наконецъ посвятитъ изафеля въ займа своей души и
 сполна выскажетъ свои уютонденія. Оргалосокъ одинокиль
 дуль Руссо и го проповѣди разрыва съ общесваомъ гувезуеся
 въ названтомъ же озвотѣ Даламберу. Высказавъ нерасно,
 логиненіе къ театру, изитомивающему и разбрацающему
 чинъ, Руссо главнцу кася книги посвящаеся анализу Кош,
 ерова "Мизантропа", порицав авзора за го, что отъ урониль
 будо би значение такого благороднаго характера, какъ Аме,
 цесеръ, отдалаъ его стѣшнѣннѣ, да еще влюблиннѣннѣ. Видно,

1) Формой изобразительности, сообразующейся наиболее высокой степеніи цивилизации, является театр. Довольно
 малое шль здовонсвѣе - удовонсвѣе общесвѣенное и развивающее общесвѣенное. Драматическая поэзія
 есть подразнание общесвѣеннаго нраваль и школа общесвѣенности. Сладотарельно никакой жанра мнѣра,
 ризи не благопрѣдзрзуе въ такой степеніи заблуденности, порокамъ и всякому злу, вѣдраннѣннѣ общесвѣенно,
 какъ драматическій анализ. Воря исходной роки Писма о зрѣннѣннѣ, учредитъ въ Мнѣнѣ театр зналично въ при,
 вѣе одинъ разомъ проскитъ мѣдиль всего общесвѣенно зоравъ.

что кризисъ разучея рто до то/та. Неодно поидьв наитя,
 ренитъ Мюллера, отъ рисуеяь другой ринъ гезуно негодуюцаго
 мизантропа, уносяцаго съ собою въ пущину высокя по-
 мысли и бражскя губерва къ модьямъ. Конечно, это — оправ-
 даніе образа дилевитъ самого Руссо. Изъ-за Брошюры о театре
 оидъ поднялаея сильная полемика; озвогалъ и Даламбергъ;
 актеры защищали сцену, напоминая обилиефелло, что отъ
 самъ недавно искалъ на ней чепыковъ; за него нескрази за-
 сунулиа советамъ оиусубившиа Трессе (1709—1777 г.), громиб-
 шій театръ съ клерикалскою зогки зрѣтій. Во всякомъ случаѣ
 полемика эта рѣзко обозначила разладъ Руссо съ передовою
 парзіею и оздѣлила прозвивоположаея между ними и
 Волгезеромъ. Съ этою поры между ними невозможно прики-
 реніе. „Я васъ не люблю — писалъ врагу Руссо. Вы привилили
 мнѣ мученій, особенно губервизеисмъ для мѣня, вашего уче-
 ника и поклонника. Вы погубили Женеву, озглазвивъ зѣмль
 за госудиринство. Вы оудалили оръ мѣня сердца мочъ со-
 гразиданъ, вы сдѣлали мнѣ невозможнымъ пребаваніе
 на родинѣ. Вы будете виновнъ, что я учу на гундичъ, мн-
 шенной послѣднимъ урѣшениій дѣлратораго, зода каея
 васъ озидаютъ большій поессри. Я независну васъ, позоу
 что вы этого хотѣли, но я мочъ бы васъ любить.“

Прозвивоположаея обѣимъ натуръ сказалаея и въ озно-
 шеній къ практическимъ мучиданъ народа. Когда Руссо моили
 о засудинисеяь, указывая на каея нидѣе беззаконіе, отъ

уклонялся от активного вмешательства, клался на свое служе-
 ние человечеству помощью неустрашимой проповеди. Во време-
 ни поселенія въ Фрэнк начинался, напрожива, у Вольтера
 напряженная практическая деятельность. Въ последующіе
 годы оригинальная гетиманная личность Руссо, равно какъ и его
 философскіе и поэтическіе зруды, возбуждали все болѣе возро-
 сшавшее уваженіе и вниманіе. Но чѣмъ болѣе увеличилось неприя-
 тельное несогласіе натуры и міросозерцанія Руссо съ данною,
 имъ оркошеніями дѣйствительной жизни, тѣмъ сильнѣе сража-
 вались преслѣдованія, направленные прозивъ автора; тѣмъ
 болѣе распознавали въ Руссо левіада, тѣмъ сильнѣе сража-
 ние его унижалъ литературные его враги, возбуждаемые за-
 вистью, личными интересами и самолюбивіемъ. Это зло-
 счастливый, нецезойитивый, вполнѣ зависящій отъ насуростей,
 раздражительный и недовольный характеръ еще увеличи-
 валъ это врасидебное къ нему отношеніе, и закисль обра-
 зовъ его жизнь въ эри послѣдній деевительный была еще
 болѣе исполнена тубовъ и борбъ, тѣмъ въ юности.

Его сношенія съ г-жею Д'Эринау и глубокая сурасъ
 къ мадамъ д'Удезо была неочиникомъ Новой Элоизы (Julie,
ou la Nouvelle Héloïse). М-те Д'Эринау и М-те д'Кондетот,
 это — двѣ прекрасныя души (belles âmes), изъ козоровихъ именъ,
 но послѣдняя слышишь ему героиней этого романа. Любовь
Мили и Сент-Пріе, это — ихъ любовь, любовь графини Удезо
 и Руссо, любовь грубо порванная дѣйствительностью и прелестью

закончившаяся въ его тамежные мечты; виды природы, служившие рамкой для этой любви, это — берега Женевскаго озера, его озера; а внезапныя, испугываемыя тайсвухотами лица ми среди этой огароважельной природы, это — его содербенная внезапныя, глубоко-занавишя ^{von Raphael, der Himmel} ощущение его доухова.

Новая Моуза задумана была еще въ 1758 г., въ Эрмизанте; мысль Руссо унеслася въ прошлое, къ порту жизни у — гни Вареня, и вызвала воспоминаня о сасудливомъ днѣ, про беденномъ въ одиухвѣ днѣ въ днѣ; одного изъ нихъ онъ увлекался, многое порывался ей сказать, но едва осмѣлился поцаловать ей руку. Это — Жиля романа, а блаженней днѣ расцвѣтѣ въ немъ на нѣсколко главъ. Первая половина этого романа — немногосложная пещоря днѣ въ любовничествѣ, озкровенная исповѣдь нѣхъ ехраси, высказанная съ закою свѣтисерго и глубинного кувова, жалкомъ пламеннымъ языкомъ, какого до сихъ поръ еще не слыкали во Франци. Руссо даеъ удивительное вторное помяте о зонтъ своей поэзи, назвавъ его гоумическимъ. Онъ выводитъ дтронъ въ областѣ природы изъ французскихъ садовъ, разбизилъ по шкурку, напоителныхъ сраухали, мраморны, ли зворили, изъ голландскихъ извоушковъ съ зюнопанями, базали и раковинами, изъ мраморныхъ гроздовъ. Здѣсь преуавлаеетъ не прозасекая жизнь въ содербенномъ смелѣ, но нѣмецкякъ Билъ, а лучшая сторона родаш, наго модного свѣда и модного образования. Здѣсь высухнаеъ

Тогда
внѣ
гнѣ

на сцену мизанс и нравы, которые, конечно, не свободны от
упреков, но все-таки гораздо лучше великобразной рас,
цивилизации той эпохи, дорожившей зомско роскошью
и золотом. И в любовной завязке романа и в тех,
сколько его характеризовало изображением моды божьего света,
которых образованность, хваленая гурьва и нравственность,
выводимая из этических гурьв, зато погубил не нравственность, но
слабость стороны своих женских идеалов Руссо прикри,
васе манюето любви. Эту красноречивый манюето
проживе неестественности и наядичной неестественности
общественных отношений прикри бить из боевой.
Юлия, ее странной возлюбленный Сень-Тре, ^{ад влюбл, дитородная} ~~неблагораз~~ ^{на} ~~умной~~ ^{на} ~~судить,~~ ^{на} ~~и~~ ^{на} ~~перекорь~~ ^{на} ~~вставь~~ ^{на} ~~ружичинный~~ ^{на} ~~морали,~~
срамь возбуди всеобщее удивление и породили бэзду
подражателей. Эта первая часть превосходит все другие
романы земного и земного, потому что Руссо дит,
сблизельно гурьвоваль, что писал, дит и гурьвельно про.
мичнуль бить сурьство, которую изображал, а не прося
созидаль книгу, как диталась другие. Хороши также
несколько идеализированный картины Женевского озера,
его окрестностей, Варландского кантона и швейцарские,
ры многие из южнских военноманий Руссо. Ры
Этой части, писема (романов написаны в форме письма)
не разрабатывает до объема философских диссертаций,
как в следующих частях.

1) Офис Юлии, ее любимая кузина - Дитородная сестра Слана

Любовь к г-ну Мадзо внесла новую черту в задуман-
 ный характер; мучительное положение Руссо в виду чужого
 счастья отразилось в терзаниях Сент-При; Вольмар ^{и сестры} Фрисо,
 Вань с одного испанца, с которых автор вернул в
 Париж, - по другому мнению, с Тольбаха. Къ датскому,
 вздымаю изъ жизни, присоединилось влияние негров Длонзи
 и Абельяра, сказавшееся в завязке любви героев романа,
 унзеля и уненицы. Повлияла и „Кларисса“ Ричардсона,
 указавшая форму писемъ и симпатичная Руссо по искрен-
 ности нравственного возбуждений. Но, слабая свое зворе-
 ние изъ зрѣль элементовъ и связывая ихъ своими ^{темными} завязками,
 ми идеями, Руссо далъ въ „Новой Длонзи“ больше главъ ро-
 ману. Современная намъ зредованія отъ подобного произ-
 ведения нашли бы его раскритиковать, изобилующимъ
 охужденіями. Мная зочка зрѣнія необходима, чтобъ
 понять его значение. Романъ несомненно распадается
 на двѣ части. Первая написана въ первомъ возбужденіи
 охраси; это аподеозъ ублечения, рвущагося на прозоръ и
 въ виду преградъ переходящаго въ оузнаіе.

Писма второй части „Длонзи“, въ которыхъ Руссо опи-
 сательно и живо изображаетъ не въ романтическомъ, а въ
 медицинномъ видѣ жизни Парижскаго моднаго своза и по-
 дробно говоритъ о женщинахъ и объ оуношеніяхъ однихъ
поповъ - принадлежать въ лучшимъ сравнѣнѣмъ. Тутъ
Сент-При описываетъ Парижъ и благодаря тому, что Руссо
 у спаситель ^{и зрѣль} жизни д'Эрэнна, ^{зависитъ на русской сценѣ и} относительнѣ

II 2.

говоришь не лично о себѣ, разскажъ освободилеся отъ недоузах,
ковъ, возбуждающихъ недоверчивость въ его автобиографіи,
въ которой онъ говоришь отъ содѣяннаго лица и часто явля-
ется злопачдливиль, мнужетливиль, шельмливиль и т. о. хондри-
ковиль, близкитиль къ полтамазельгерву. Руссо порицаетъ искус-
ственнаго жизни божитиль еролицъ, очевидно не какъ рижора
или софиста, но по изумительному и мудокотому удобоудетитю; по-
этому и не удивительна, что зогдатиліе салони провозгла-
сили его сумасшедшитель. Руссо шитиль передъ глазами горъ,
кую правду жизни и самого себя во всей своей чувствитель-
сти и пороковости.

Во второй части явивеся какъ бы поправка возмущеній
чувствительной любви, пытающаяся заглядеть произведенное впечат-
леніе, доказывая, что любовь бедна не къ извольственности,
а къ добродетели. Сень. Пріе овладеть собою и принялая
за практическій зрудъ. Починю этого дѣленія на части,
помогатощаго виденію мысли абзора, да не чинъ дохила,
еся посредствиль множестве эпизодовъ, излагаскитиль отъ
лица абзора или его героевъ. Илія д'Франксъ хорошо вос-
питана, но все же странно видеть въ ея шестомъ къ подру-
гѣ оцѣнку Плазоновой республики и положенія шен-
циль по Плазону. Далже идуть шасерскій характерисери-
ки великихъ музыкѣ Треци и Рина. Кажалое бы, загляне
онъ въ романтъ? Абзоръ очевидно итьверъ слабеекъ къ
закиль оступленитиль и не можеть воздержатся отъ шельм.

За то они, близясь к подробностям факта, помогают
 определить основные взгляды Руссо. Первый вопрос, за-
 тронувший романом, касаясь неравенства людей. Не будь
 его, не было бы и романа. Семь-Прі по воспитанию и нрав-
 ственным качествам была бы достойным мужем Жюльи,
 но отнюдь не беден, а она аристократка. И сам герой, и его друг
 мордв Эдвард не раз горячо заступаются за низших со-
 словий. Но ничто не в состоянии сломить упорства старин-
 ка д'Эрнана, аристократа до мозга костей. Жюльи горько
 жалует на это оселение: «полезные были меного
 злобушка, тыль любовницею короля», нишедь она при-
 желатица, а, впадая в ея зорь, сама авторь заявляет,
 что «на двадцать случаев можно привести развѣт зорьско
 одно исключение изъ зого правила, то казидый дворянинъ
 ведеть свой родъ орь бездѣльника: въ подобиихъ укориз-
 нами естественна наблюдеть въ связи привлекаемое
 изображение жизни народа. Одного изъ главныхъ чертъ
 романа является восхваление естественнаго естественнаго
человѣчества, и въ особеннорь естественнаго бѣднѣ
 къ природѣ была земледѣльцевъ. Руссо, признавшійся
 въ исповѣди или, Признанияхъ (Confessions), что отнюдь
 самъ родинѣнско не созданъ для городской жизни, что
 деревня всегда освобождала его, съ увлечениемъ много
 разъ изображалъ (не безъ идеализации) жизнь деревенскую.
 Все правило ея въ ней: и доброе душевное, и физическое

здоровье, и свободная народная поэзия. „Большинство газетно это старые романы; в канонахъ новъе ничего блестящаго, но въ ниль привлекаетелно обаяние скариты и губервучеръ нещраденная новизнаеъ“. Въ этой оцѣнкѣ народной поэси легко оградарь однимъ однимъ туъ Элеменцовъ того движенія, которое у нальцкихъ посылъдователей Руссо, особенно у Гердера, привело къ провозглашенію народ, поеси единственныиъ спасеніемъ пощисскаго зборне, ства. Этотъ тонъкъ къ началу клькучаго рокакуизма.

Съ начала взорого оудталенія взорой газет, романы въ зосткомъ смысле кончаея и въ слѣдующія газет могли бы созавиъ оудталное сочиненіе; но въ „Новой Энциклопидіи“ именно зо и важно, что писаніа, содероматіея въ этомъ оудталеніи и приавитіа форму кльзодичиъ зраказовъ, распроехранялись передъ публикою не въ формѣ ценныъ орадей, но какъ газетъ общеэаммалельнаго романа. Да Руссо и самъ высказалъ прямо, что романы написаны въ цѣлью показарь непосредственныа приоменія своиъ идей о человѣчествѣ и чуманности, о люди и природѣ, о государствѣ и газетной жизни, о кравезвенности и ре, миги. Это можно видеть изъ послѣдней газет, которая содермиъ въ себѣ взорой романы, разсизывающій на му, бокое пощраение чизарель. Съ самаго начала во взороихъ зие писаніа находилея кризика донамняго порядка и козайсва большиъ домовъ, козорыми прозивономалея.

другое догматическое, придуманное самим Руссо. Трезве неясно, что содержимое формальное изложение принципов новой географии воспитания и Руссо сам признается, что оно слитое, как бы длительно для автора, где находится, и для собория, по поводу которого написано. Мрабевенность и геология, которые Руссо желал похвалить на автора догматизирующего, мало професанализма и символизировавшего кахомизма, подгоняющих разумею преданию, — также занимающе не мало места в «Новой Элозии». Руссо высказывает угрожающую похвалю о христианстве, соображающуюся безвещественной жизни, изображенной имъ Жакъ при-влекательна. Эти похвалю Руссо выдумает наездительно в одномъ месте своего разказа, написанного угрожающе и сь величайшимъ красноречиемъ. Умирающая героиня Руссо делается на смертномъ одре провозвещательна ковалю учения о блаженной жизни. Вотъ слова и похвалю героини и назора при ея кончине находится в приломномъ прохворотии сь жемъ, что во времена Руссо говорится и думалое умирающею и для умирающею.

Газетамъ нашего времени, подъ впечатлительна въ режескаго, Вертера (также созданного подъ влияниемъ вли-днейна «Новой Элозии»), огидающе, что неразрешимый трагический узелъ судьбы и у Руссо оборванъ самоубийственно. Авторъ, повидимому, сознавалъ возможность такой развязки; одно лишь самообладание героини удерживаетъ его въ роковую

минуту. Если в романе после пламенного изображения
 страсти следуют мудрые и сдержанные советы, то и вопрос о
 самоубийстве должен предшествовать дилеммам и обсуждениям
 за и против между Сент-Прре и лордом Эдвардом, высказываю-
 щими различные незаконные самоубийства. И это опять не
 праздное словопрение; мысля и обличия при этом подвиги,
 и Руссо обосновывается на этом вопросе. Впоследствии, на
 свойственные жонки по поводу его смерти, считаемой многими
 несчастливой, позабыли разсуждения Эри в связи с бро-
 дившими у него по временам крайне инокондривскими,
 или мыслями. Но в ту пору и в общесуде, наряду с тезисом,
 вобавление напечатанной царства разума, заявляем
 не раз пессимистический возмущения, изуралое, напр., урские
 записки самоубийства, Тезисы киренского, появившемся
 возмущения против него (сумасшедший французский диа-
 лог) и записки в роду приключательской
 книги шведа Рубека, о которой не раз упоминается и Сент-
 Прре, и сам автор. Против этого напыления меланхолии
 строило борется, и, разсуждаясь, вопрос по существу, Руссо
 заставляя своего героя превозносить блестящую во время
 прогулки в лодке с Элией безумную мысль схватить
 ее и обильно броситься в озеро. Несчастное любовники
 вконец говорят уже другим, Эдвардом, заявляя, что и
 страсть не возродится больше.

В самый разгар жонки, возбужденности дилеммы

Каласа, Руссо изумилъ современную публику, въспредавъ зрѣнію романъ („Новая Элоиза“) въ 1761 г. Такъ мало осмѣдали оу него подобнаго произведенія, такъ хорошо помнили его взгляды на безнравственное вліяніе романовъ, что иная, нахлѣвъ, что суровому обличителю не пришло закъ притивъ, карельно речеваѣ ерраеди, допускали подвѣленіе новаго писателя, сомѣнника съ „женевскимъ гражданиномъ“? Но Эза неослѣдодоварельное възвава бѣла фрактали мнѣ, мой жизни и исповѣданія ми Руссо; „Новая Элоиза“ мѣни, ^{како въ разѣ} сама, въ пѣлу неслезной любви къ 2-итъ д’Удето, и многа ерраници въспраданя; оутого илѣ задумевный зомъ сильно дѣйствовавъ на вѣтѣхъ, позернѣвшихъ по, расиеніе въ бѣзвѣ жизни, изорганъ у неуралниковъ, убои, ленныхъ пѣзозого существованія, обидная слеза, и даме на массу свѣтѣхъ и есласливѣхъ людей дѣйствовавъ искрел, носерго исповѣдан. Эзому внезапнѣннѣо еодѣйствовавъ удн, вѣдетный слотъ, созавившій эпоху въ исторіи французскаго языка; шивая и образная рече, философскія оуспун, менія, описанія природы, лирическій безпорядокъ, переносили въ романъ вѣто неспрозу и разнокарактерносѣхъ жизни, а измѣннѣя зорекующѣй души облекались въ форму еррасныхъ понологовъ. Немало закъне помогло успѣху романа бѣспро укоренившѣея убѣзиденіе, что все въ немъ — точная автобиографія; какъ вноснѣдѣвѣн Байрону, Руссо приходилое борозѣ съ зрѣніемъ мнѣннѣхъ,

но никакія возраженія не дѣйствовали, и масса грезвѣла и
интересовало узнать нехорошо моды мизантропа-оршестника.
Но если центръ дѣйствительно былъ колоссаленъ, и даже
такіе люди, какъ Даламберъ, брать Меттахельсони и наклон-
никъ грезвой науки, были расстроены, то рѣзко обозначились
и признаки недовольства. Волтеръ вынулъ изъ злой разборъ
Элоизы въ формѣ писемъ; въ Женевѣ кальвинскіе друзья
Руссо недовольны на его измѣненіи и готовы были отделиться отъ
него; съ этого разлада началось глубокое раздѣленіе мыс-
ли, съ его согражданами, — а во Франціи церковная пар-
тія, возмущается слишкомъ свободными, но ея мнѣнію,
взглядами на вѣру и нравственность, проводимыя въ
романѣ, вторила этому недовольству.

Новая Элоиза произвела невторичное впечатлѣніе,
возбудила большой шумъ; весь кругъ стараго порядка, весь
новый софисты и академики, весь многочисленный за-
падники великобританскій, остроконечной и распушенной
культуры, осмѣивали Меттахельса и глумились надъ его
философіей; но его книга распространилась по всей
Европѣ, едѣлалась оракулъ вѣща и дѣйствовала во
всѣхъ сословіяхъ на мнѣніяхъ людей, живъ ощущавшихъ
потребность преобразования, — дѣйствовала такъ сильно, какъ
не дѣйствовало ни одинъ романъ.¹⁾

Руссо замѣтилъ, что онъ не только разрушалъ,
но и создавалъ. Такъ въ „Эмилѣ“ (Emile ou De l'éducation),

¹⁾ См. и оцѣнку произведеній Руссо у В. Козьминарова.

Вильево познания, по его мнению, образования, оно предла-
 гает незымное. Сближение с природой, горячо пропове-
 дуемое в романе („Новая Элоиза“), выдвигается одну из важ-
 ных его черт, — художественная описания природы, уста-
 новленная с зорь поро в новой литературе; кроме того,
 оно определяет сущность изложенных в нем мнений,
 зато развить подробности в „Эмиле“ мысли о здоровом
 нормальном воспитании. И тогда, когда Сень-При описывает
 Юлию, и когда у ней самой есть дочь, автор не пропускает
 случая, чтобы не указать на сродный выбор чтений. Фрилосо-
 фия названа здесь важнейшим измышлением, искусственная
 французская словесность отодвинута на задний план; итал-
 янская поэзия (особенно Тассо) выехавлена образцом серьез-
 бенности и прозою, в Библии и Плурахе указаны луч-
 ший поедин воспитанию; искусство предназначено изуче-
 ние природы и жизни народной, которое развило бы вкус
 будущим поколением в здоровом и облагораживающем
 направлении. Такие взгляды на назначение разумной
 педагогики облегчают переход от „Новой Элоизы“ к
 „Эмиле“, также изложенному в романтической форме,
 вероятно для того, чтобы приобщить читателей к размыш-
 лению о вопросах серьезной. Основную мысль этой книги
 „Эмиле или о воспитании“ (Emile ou De l'education), выв-
 ставляет в 1762 г., можно выдвинуть несколькими слова-
 ми. Руссо не хочет отделиться от своего воспитанника

глаголюща природы, а только восмизает его по возможности естественные.

Насколько изъезжены планы этого произведения, можно предположить, что оно не заключает в себе столько мысли Руссо о воспитании; разсказ слишком рано прерван; доведенный до конца, он представлял бы любовный, но обзорный житии французского графинина среди руки в XVIII столетии отъ колыбели до смерти. Ма- териалы для „Эмилы“ накоплены поочередно. В ранние годы, как часто бываешь съ учителями новиками, Руссо преподавал в Мюнхен, самъ учился, уа дружить — docendo discimus. Впоследствии, сблизившись съ 2-мъ г'Эмилом и видя неудачныя попытки увядавшей швейцарской женщины учиться заново воспитаніемъ сына по придуманному ею способу (писемлами), онъ изложил по ея просьбѣ свои возраженія и замечанія. Затѣмъ, после разрыва съ кружкомъ г'Эмилов, затруднительное положеніе дочери одного друга, 2-го Мемонсо, несчастной въ замужествѣ и роже желавшей какъ можно лучше воспитать единственнаго сына, побудило его собрать мысли и наблюдения свои въ хорошей педагогической книжкѣ. Созавленио ея, наконецъ, немало содѣйствовало знакомство Руссо со взглядами его предшественниковъ, Монтэня, Локка, на разумное воспитаніе.

Всѣ въ первой диссертаціи его видѣть мекты

о возрожденіи спартанскаго воспитанія; онъ широко раз-
вилъ въ Имилъ (Émile ou de l'éducation). Первая часть
книги, рисующая началный періодъ жизни ребенка, оз-
кривается заглавіемъ, что все выводится хорошииъ изъ
рукъ Творца, все порождаея подъ руками человека. Отсю-
да вытекаея обязанность развить добрыя инстинкты, вложить
нас въ дѣтскую душу; не забывая о томъ, какая профессія
ожидаея мальчика, слѣдуетъ прежде всего научить его жить.
Сама мать должна вскормить ребенка, сама орезать долженъ
воспитать его. Женщина долго слѣдуетъ оставлять его безъ
книжъ, дарить ему въ руки лишь оцего выбран-
ная, хорошия книги. Изъ отношеній молодежи онъ дол-
женъ видѣть далеко не все; если жизнь наведетъ его
на какое-нибудь отрицательное явленіе, напр. покажетъ
ему необузданно гнѣвнаго человека, педагогъ долженъ
возбудить сочувствіе къ этому болѣнному. Съ 12^л-15 лѣтъ
нужно вызывать самостоятельность; ребенокъ уже не долженъ
вторить на слово учителю, и проникаея уваженіемъ, что
опытъ и чувства наши переходятъ наравнѣмъ. Именіе за-
кой книги, какъ «Робинзонъ», научить его всегда обращаться
своими средствами. Имилъ будеть поэтическа маскерскія и
привлекательныя уважаетъ трудъ; самъ онъ долженъ знать одно,
два ремесла, и выработать въ себѣ физическую ловкость.
Воспитателю въ обществѣ чертахъ передаея ему понятіе
о всемогущемъ существомъ, правящемъ міромъ, говорящемъ

и о неравенстве людей, о бедных и угнетенных. Периодъ
 отъ 15 до 20 лѣтъ — время сраженій къ идеалу. Воспитаніе
 стараея года уже законченнаго, но оно еще особенно не-
 обходимо. Юноша знакомится съ исторіею Человѣчества, съ
 социальными условіями и съ религіею, основанною Корорей.
 Выразена въ искреннихъ и простыхъ словахъ, савай,
 скаго викарія (Profession de foi du vicairé savoyard), воз-
 носящаяся надъ догматизмомъ и традиціями къ покло-
 ненію Высшему Существо; по мысли Руссо, не слѣдуетъ
 преждевременно навязывать никакого исповѣданія, и, Живя
 догматы сами выбираютъ ту религію, которую укажетъ ему
 разумъ.

Авторъ не оставляетъ своего героя, и по доверженіи
 ему 20 лѣтъ выбираетъ ему подругу въ лицѣ Софій, въ ко-
 торой собраны идеальныя женскія черты. Въ составѣ
 относительнаго женскаго воспитанія Руссо руководителемъ
 меланхолически обозначены развитіе вполнѣ здоровой природы,
 способной переносить несчаствія и огорченія; чтобы и,
 шире свѣтскія удовольствія иль заманчивое, отъ даме
 отсуствуетъ отъ притворнаго лживія, составяя, напр., двубукъ
 до брака поощряетъ театр, какъ какъ запрещъ удовольствіе бы-
 сло привлекающаго. Онъ идетъ дальше въ черткахъ:
 кроить различіи, вытекающія изъ различія половъ, въ
 общественномъ воспитаніи мужчинъ и женщинъ должно
 быть одинаково; между мужчиною и женщиною должно
 быть одинаково; между мужчиною и женщиною должно

бирже добаринскихъ отношений. Но бракъ не должеиъ быть
 претдвременнымъ. Въ деревнѣ у родульскиховъ Софія
 возростае съ Эмилией; молодые люди увлекаются другъ
 другомъ, но Руссо искусно разлучаетъ ихъ. Въ программу
 воспитания входить путешесвіе — и Эмиль ѡдѣръ въ Паризь,
 подвергается искушеніямъ, но удерживаетъ на нравствен-
 ной высотѣ. После брака молодая жена также испуываетъ
 соблазнамъ свѣтской жизни; оба супруга поддаются на время
 новымъ увлеченіямъ, но обдумываютъ и прочные предимыго
 слодятся. Въ несторіи двѣхъ зрѣть вообразимельхъ существъ¹⁾
 и въ своеобразномъ освѣщеніи ихъ сурасей, ошибка и при-
 вѣданноееъ было немало прозвворочій съ общеприня-
 зми взглядами, называвшихъ недоволество консерватив-
 ныхъ слоевъ, но всего больше раздражено было дуловен-
 сръэ эпизодомъ, озаглавленнымъ: „Profession de foi du vi-
 caire savoyard“ (исповѣдь савойскаго викарія).

Скромный сельскій священникъ зрочъ вовсе не выноситъ,
 менное лицо; въ него вошли черзъ двѣхъ симнариковъ
 Руссо аббатовъ, съ козорнымъ свѣла его судьба въ ранніе годи;
 въ 1728 г. онъ млодался воеладомъ солнца въ Monte,
 расположеномъ прозвѣ Турима; аббать Ж.мъ (Gaimet),
 приведши его зуда, вѣверъ съ аббатовъ Торзе, уиудельмъ
 семитаріи въ Анисси, послужили имено образцами
 для Савойскаго Викарія; одного Руссо узналъ въ Туримѣ
 и нашель у него урѣиеніе въ невзгодахъ, другой бѣиъ при „

---

1) она изложена какъ въ Эмиль, такъ и въ его продолженіи
 „Emile et Sophie“.

подавался въ упомянутой семинарии и своимъ чужимъ,
 своимъ обращеніемъ и задумчивою проповѣди привлекалъ
 придавленнаго схоластикой семинариста. Викаріи въ Длм.,
 имъ избранъ съдѣ сначала духовное званіе, не задумываясь
 надъ его значеніемъ; онъ рѣшилъ, однако, строго выполнять
 долгъ, но сърасхи продолжалъ, и, озабочаясь по отношенію
 къ приходу доброты и попечительности пастыря, онъ на,
 влекаясь на себя бѣду слишкомъ открытымъ проявленіемъ
 своихъ привязанностей; у него оживлялось припадъ и ли,
 тогда его свѣдѣнствъ. Умѣренной оцѣнкой, онъ совершилъ,
 но также утрачиваетъ свою жизнь. Въ самой проехой об-
 сѣтливости живеть онъ въ виду величественныхъ красотъ
 Савойскихъ горъ, и одиночество, въ связи съ созерцаніемъ
 этой природы, вызываетъ въ немъ искренній религіозный
 порывъ, приводящій къ созданию первоначально втора-
 уренія въ духѣ деизма. Руссо какъ бы раздвоился: во какъ будто
 онъ являлся въ викарію въ видѣ скептика, истребляющаго
 его въ творѣ; во его мысли вложены въ чужа самого свѣдѣн-
 ниска-анакорета. Викаріи знаеть, что втора бѣдъ дѣлѣ мѣрѣ,
 и поэтому поспѣшно дѣйствуетъ, ходитъ по болотамъ,
 уривъ дождѣ. Обрядность или богословскія извѣщенія ему
 ничего не говорятъ. Это втора — за „свѣдѣнная религія“, ко-
 жорад презираетъ при многими предсѣрвенниками Руссо;
 онъ не философъ, а скорѣе поэтъ; приливъ религіознаго
 чувства или браженнаго влеченія къ людямъ вызываетъ

в нем иногда табуируются зрелищем солнечного заката или благоговайными зрелищем в виду величавой горы, пыль красота.

Profession de foi Савойского священника составляет неразрывную часть Эмилы. Представляясь сравнительно, что Руссо так долго откладывал заговаривать с своим воспитанником о Боге, до самого конца воспитания. Взрослый зрелище всей его сферами такое отношение не обидели. Но взвешивая на реальное положение вещей: не следовало ли сказать, чтобы ребенок стал человеком, чтобы он уже многое знал и понимал, прежде чем познакомиться перед ним вопрос о Боге? Только тогда он будет в со-сродни сделал свободный выбор между ворованством и неворовством. До того же пор он будет находиться под влиянием догматиче-вспрашивать и семейных традиций. Без сомнения, для ворующего сдаришь церкви, такой вопрос безразличен или опасен; но для современного поколения, низвержен наукой, четко указывающей на свои границы, закономерно развитие будет сдаришь с каждым днем все труднее и труднее, если в них жизни ход одним раз не будет похвалена и разрешена религиозная проблема, то и будет составлять конечной актуальности воспитания.

Но педагогика составляет только одну сторону книги. В Эмиле Руссо излагает свой взгляд на образование

вообще и на религию, которую онъ признаетъ основною
элементомъ воспитания. Поэтому самая существенная
часть книги та, гдѣ Руссо излагаетъ свое мнѣніе о вѣрѣ.
Руссо, признавая религиозность губерва основой нравственности,
красноречиво осуждаетъ религію сердца прозвѣвъ безъ,
щаднаго отрицанія. Магерьдмскъ говорилъ, что весь знаніа,
даже сурденіе и воля зависятъ только отъ губервельныхъ
ощущеній. Руссо, напротивъ, утверждаетъ, что отъ высшихъ
впечатлѣній губерва зависятъ только одно ощущение, — а не срав,
неніе и не комбинацій отдѣльныхъ ощущеній. Руссо говоритъ:
«При сравненіи, т.е. сурденіи, исходятъ отъ меня самого. Та,
какъ образъ — я существъ не только воспринимающее и
срадаемое, но дѣйствующее и производящее».

По мнѣнію магерьдмского вѣщественный миръ заклю,
чаетъ въ себѣ самъ силу, соображающую ему движеніе; дви,
женіе это совершается по зверовымъ и точнымъ законамъ;
поэтому звораній и охраняющій божъ суръ, но иль мнѣнію,
понятіе совершенно лишнее. Руссо, напротивъ, говоритъ:
«Движеніе бываетъ соображенное и самоходное; одно при,
надлежащее мерзвому, другое живущему миру вѣществен,
ному;... причина движенія должна находиться въ вѣщес,
веннаго мира; вѣщественный миръ воспринимаетъ и сооб,
щаетъ движеніе, но не производитъ его».

Исходя изъ, наблюдая различные явленія природы,
Руссо приходитъ къ заключенію, что причина заклинъ

936
свободную силу неизменного идеала добродетели, — то
предсказывая ли еще необходимое в сверхчеловеческом
откровении? Откровение всегда утверждает, что только
оно одно истинно, а все другое ложно. Кто может
судить о справедливости этих приказаний? Почему истин-
ное откровение было дано только немногим? Книги
закъ земли и полны противоречий...

Написанной в законъ дуть, Дमितъ произвелъ страхъ,
ное впамятание. Случилось же, что Русо предсказалъ въ
своихъ безумствѣхъ замечательнѣе къ этому „исповѣ-
данію“. Дमितъ вызвалъ на своего автора не только немощь,
воле крики, но и намере на него насильственный вѣры.
Не только иезуиты и всеишеры, не только клерикалы, тор-
езы и лицеторы, — даже либеральное софисты, красно-
речивые проповѣдники зернистые, раздраженные цѣлой
массой памфлетовъ! Аресты провозгласили Русо въ,
рующихся; борющихся — богосудуишскихъ. Опасною ярьство
показалось въ извѣстныхъ сферахъ это вольнодумное
упрошение вѣры; „Дमितъ“, вынужденный (вопреки
предостереженіямъ друзей) съ именемъ автора, сначала
не возродилъ въ публикѣ такого восторженнаго приёма,
какъ „Новая Флора“, не ^{вѣрнѣе} закуная съражностью и вобду,
шевлевѣемъ; французское же правдѣсство и парла-
ментъ, только-то принявшие рѣшишельная вѣры про-
зиль иезуитовъ, искали повода показать, что они въ же

И между прочимъ аббать Гальди (Galiani) строго криковалъ „Дमितъ“, говоря,
что „Дमितъ“ кошметъ пофору, что оно не приготавливаетъ ребенка къ жизни.

Французская история литературы XVIII в.

время унтергоф, оудеаивахт иудинные интереса церкви, и
нашли его въ гоненіи на „Димля“, которая была сожжена
въ июнь 1762 года. X — — Тителет оді, Общественный договор

Мы знаем, что Руссо уже съ 1743 года, т.е. съ того време-
ни, когда онъ былъ секретаремъ при посольствѣ въ Венеціи,
набросалъ планъ большого политическаго разсужденія. Онъ
воспользовался впоследствии своими въ Венеціи приобрѣ-
тенными наблюденіями и написалъ книгу, появивъ,
имеющаю подъ заглавіемъ: Di contrat social ou principes
du droit politique (Общественный договоръ или принци-
пы политическаго права, 1762 г.). Книга имѣетъ четыре
части (или книги). Первая часть говоритъ: „О происхожденіи
государства“, вторая книга говоритъ: „О верхов-
ной власти и законодательствѣ“, третья — „О сущности
правительства“ и, наконецъ, четвертая книга говоритъ:
„О средствахъ утвердить государство“. Развивая далѣе мысли,
высказанная въ „Разсужденіи о неравенствѣ“ и усвоивъ
основную точку зрѣнія английскихъ политическихъ
мыслителей (А. Сидней, Гоббс, Локк) на происхожденіе
государства и идею общественного договора, Руссо возвелъ
на этой основѣ идеальной государственной организаціи,
присоединяя всего въ него мнѣнія особеннаго швей-
царскаго законодателя, всегда вызовавшаго въ мѣль г.м.
Бокія симпатіи, заглавъ пользуется уроками исторіи
и опирается на примѣры изъ античной жизни и изъ

948

судьбу новейших республик, напр., Венеции. Неприкоснимо, вечно и неотъемлемо верховенство прав народа, широта, кое развитие личной свободы, равенства, обеспечение вечно без различия возможно бо́льшего благоосудия соезда, илюстрация главной черты граждана, вопрос о форме правления является второстепенным. Из жизни древнего мира вздыма идея о поиске зридына, цензоров, о законности диктатуры в крайних случаях, религиозного автора сказана в зредованіи священія церковно законодателя, иль рабора и самого званія, законодателя, обязанного изготовлять для народа проскри позановлений, наконец, в признаніи необходимости государственной религии. Въ до время какъ мъкозоров, симконов архамскія часности этого граждана показались вскорь неумьслными, сущесвенными идеи, силные и опредѣленные выраженія, главы Мондескье, къ чрени Руссо какъ будто возмож развитіе, возникли со временемъ важное вліяніе на политическую мысль во Франции. Это парзін, борвшіеся въ дни революціи, сторонники конституціонализма и основатели будущей республики, вполнѣ сознавательно опирались на эти два авторитета (Мондескье и Руссо); въ постыженіи поподавъ Робеспьеровъ почти унирающе автора, Общесвеннаго договора, вызванномъ сразривомъ меламіемъ приближуря къ власнудельно своимъ думь, наглядно вырадивае связь теоретической чрды и практическаго ея выполненія.

Это- бы ни говорили, хоть ровно ничего софистического
 в стремлении вывести общезначимое из индивидуализма,
 и хоть никакого прозвора ^{между} "Общезначимый Договор" ^и
 и императивом Руссо. Напротив того, здесь видна необ-
 ходимая историческая и логическая связь. Различение сущес-
венных или искусственных групп, которые, поглощая
 личность и друг друга, в конце концов поглощаются го-
 сударством, есть зародок индивидуализма, в то же самое
 время, как как личность снова обрывается при этом в то
 гипотетическое положение, из которого вытекает Общезначи-
мый Договор, то для нас есть другого выхода кроме демо-
кратизма всех над каждым или государственного социа-
лизма.

Если Руссо и был непоследовательным, то не тогда,
 когда он, в качестве индивидуализма, нападал на инди-
 видуализму общезначимое и подчинял личность всемогущей
 власти общины; его непоследовательное обнаруживается
 во всем до какой степени различны направления, в
 которых высунулись индивидуализм в Новой Элоузе
 и в Общезначимый Договор. Присуде всего абсолютное
 отречение граждан от своей личности в пользу государ-
 ства касалось несомненно сближения с силками развития
внутренней моральной жизни; никогда совокупность Вольтера
или Юли не могла бы предоставить общезначимой воле,
 закону, безусловное право распоряжаться собой; поэтому,

влеченія общественной морали или угнетали бы ее, если бы
 они расходились с ней, или же не существовали бы для
 нея, если бы они ни въ цель не проживоротились ей; заглав-
 сься, возстановленная на принципахъ правды прекрасны.
 Они назывались Юли и Вольмара, образуютъ группу, естес-
 твенно существующую между государствомъ и множествомъ, при чемъ док-
 трина Договора уже не существуетъ больше во всей ея чистоте;
 наконецъ, жить обществу, къ которому принадлежишь возроси-
 денная семья Вольмара и Юли, это — охотскій режимъ,
 существенно отличающийся отъ галицарнаго социализма
 общественного Договора. Однако, не слѣдуетъ особенно на,
 сдѣлать на это въ проживоротию. Въ дѣлахъ своей сущности,
 въ ея практической разработкѣ, Руссо даетъ намъ средства
 удержать его. Права, предоставляемая общественнымъ до-
 говоромъ государству надъ иль подданными, говорить оно,
 не переходить за пределы общественной пользы.¹⁾ Это мудрое
 ограничение удерживаетъ множество затрудненій, если при-
 мать слово польза въ очень узкомъ и въ то же время воз-
 божественномъ смыслѣ.

Сами по себѣ, принципы Договора — превосходны. Руссо
 совершенно правъ: если бы подобнаго договора никогда и
 не происходило между людьми, то все-таки оставалось бы
 несомнительнымъ, что такой идеальный договоръ въ дѣйствѣ-
 зельности управляетъ великимъ обществомъ безъ исключе-
 ния. Общество и общество суть ассоціація съ целью сохра-

1) Contrat Social, l. IV, ch. VIII.

печей и защиты составляющихъ тѣхъ членовъ, — откуда снѣ-
 дуетъ, что никакое правительство не можетъ быть законъ,
 нѣтъ, если оно не снѣдетъ общесудебнаго блага своего объ-
 зательно и своего единственнаго цѣля. Такимъ обра-
 зомъ исключаются всякій деспотизмъ, всякая тиранія и
 угнетеніе; осужденію подлежатъ не формы правительствъ,
 но только способъ управленія. Въ этомъ смыслѣ ученіе о
 верховной власти народа — неоспоримая истина, такъ какъ
 оно осуждаетъ и отрицаетъ эксплуатацию всѣхъ членовъ,
 или тѣхъ однихъ членовъ.

Тотъ Руссо въ своемъ Разсужденіи о принятии нера-
венства высказалъ то же самое какъ ораторъ, то въ Общесудеб-
номъ договорѣ онъ привелъ въ свѣтъ. Этотъ договоръ са-
 мое замѣчательное, по слову „Духъ законовъ“, политическое
 сочиненіе XVIII столѣтія. При сочиненіи его Руссо посто-
 янно имѣлъ въ виду „Духъ законовъ“, но, снѣдая неравен-
 ство между людьми изогнанными всѣмъ зломъ, какъ общесуде-
 беннымъ, такъ и государственнымъ, онъ не могъ, подобно
 Монтескье, довольствоваться только борьбой съ господствомъ,
 тѣмъ абсолютизмомъ; онъ долженъ былъ бороться съ са-
 мимъ Монтескье, который снѣдалъ конституціонную кон-
 архію тѣмъ безудельно-совершеннымъ и вѣчнымъ
 идеаломъ государственнаго устройства. Ученіе конституці-
 онализма онъ прозвонилъ ученіемъ демократіи
 и республики. Contrat social (Общесудебный договоръ), изъ-

данной почти одновременно с „Эмилем“, возбудил
недовольство по другим причинам, хотя относительное его
значение ограничилось запрещением книги и конфиска-
цией экземпляров, тайно введенных из Голландии. Бур-
номери, законопачаль догматический зомь небольшого фран-
зада, не предвещавший особого успеха в публике; каза-
лось, что это умственная пища для немногих, зреду-
щая специальными сведениями о политике, родившей в
то время. Несмотря на такое снисхождение, политический
кафебризм возмущал, даже Ломоносов, гораздо опаснее для
данного порядка вещей, чем блаженно-маленький и нт.,
сколко сенсационный „Эмил“. ^{Впрочем} „Теория, Обществен-
ного Договора“ скопирована в женеваской консервации, —
не в ее реальном извращенном соединении, но в ее численном,
первоначальном виде, — или, лучше сказать, в его идеале,
который больше или меньше отразился действительностью. В
этом патристическом воспоминании ^{Руссо} примыслилось вне-
запный, вынесенный из случайного чтения о древней
жизни, и женевакая буржуазия получила в его представле-
нии окраску английской демократии. Но, всегда осуждая в
думе женевацев, Руссо от самого своего изложения низал
неискоренную симпатию к маленьким государствам, в
которых национальный дух сводится к разному уровню,
цивилизации. Его настоятельно призывал государствен-
ного права не мондескье, а жениевский профессор Бюлаки.

проповедывавший естественную свободу и равенство.

Шенер враги не оставляли Руссо во покое. Въ пасыр,
скомь посланіи Паризскаго архіепископа Христофа де-Бо,
мона (Christophe de Beaumont) призывалъсь небесне гро,
ма на Руссо, какъ богооудупника. Оубырь Руссо, Lettre à l'arche,
vêque de Paris (Пис.мо къ архіепископу Паризскому, 1763г.)
произвелъ всегзлныя даме на консерваторовъ. Не вдавяде
въ западнубую полемикую и выдерживая почти вьтими,
вой зонъ, Руссо всегзвлялъ безнравственнаго нападенія
на бездлицузнаго пеловока. Вразидя родного города еще
Бонне дѣйствовала на него; отъ не мовъ перенесенъ негз,
слупеннаго оскорбленія и въ писемъ къ женевакому
правителству сложились въ себѣ гразиданство. Писемъ возбудъ,
дилъ сильное броженіе въ народной массѣ и разошгло
вразиду парцій; демократическія словя, и въ осоденнестри
порожки эмигрантовъ (такъ называемые les patifs), совер,
женно обездоленные и возсрававшие прогубъ произвола,
искали до злого попомощи у Волсгера, горядко за нихъ за,
судившагося. Шенер оти въ удвоетности надеждами спорри,
ли на Руссо, счизая его зоварицелью по несчастью. Когда
женевакій прокуроръ публично обвинилъ его въ возбудиде,
ніи безнорядковъ, Руссо отычалъ „Писемати въ горы“
(„Lettres de la montagne“, 1764 г.), зарронувъ въ нихъ и релли,
гизовые, и политическія вопросы, и счизувъ всегзи казню
женевакія дѣла въ кругу обидевропейскихъ забобъ и мѣрдъ.

у или: „Lettres écrites de la montagne“.

Возь потому новое произведение его было протрено съ фа-
кимъ же вниманіемъ, какъ и важнѣйшимъ его твореніемъ.
Руссо доверъ доказатель согласіе своего мнѣнія съ ещѣ,
покусо угненія Христеа и снѣдъ съ собѣ. подозрѣніе въ дела.
логию. Онь съвѣдучеръ врагамъ внимательнѣно терпелъ
„Profession de foi (Мнѣніе)“ Савойскаго викарія“ и рѣшишь,
что было бы, елибѣ высказанный въ ней мысли осущесъ,
вмѣст; съ увлеченіемъ набрасываеъ отъ картину идеаль,
наго сурод, гдѣ царить свобода, геловольство, зериинство.
Колѣ некасаеъ все доброе, можно извлечь и изъ Званскаго
материалы для драматическихъ нападеній, — и отъ приводимъ
форму много примѣровъ. Въ политическомъ гадѣ писемъ
отъ воздаеъ прозивъ узкаго кругозора женевской ком.
зика, побудиаеъ соотечественниковъ вернуться къ воинскому,
завѣщанной предкамъ, и обзонасиль съ собою гнеза ари,
сфократовъ. Пресиде всего соборивъ водитъ; разобиди,
носе, въ безвозвратно погибше. Срѣдѣ ли низкая зависеъ
и мелкія сураси, чтобы иль удовлетворяли законодору,
гой цѣнокъ, и чтобы ваши дѣти со временемъ имѣли
право сказатъ, обливая слезами свои оковы: возь плоды
раздора нашиль оуцѣвъ. — Это — самая блестящая комедія.
— Мужина и многочисленнѣйшій произведенія Руссо ску,
губаеъ на продѣленіе двѣдзи мѣръ — Эго возрожденіе періода
его литературной дѣятельности; во время, предшесъ,
важнѣе этому періоду, иль манисано небѣше, а въ три.

надпись ~~похвальных~~ слов отъ написал еще меньше-
 зомско ^{тризглатия} Исповѣдь, выверъ съ Réveries, слушающимъ какъ
 бы дополнениемъ къ ней и преобладающимъ не сродско
 произведение писателя, сколько грезъ сарика, снова съ
 наслаждениемъ презиравшаго своего неровнцо и зануран,
 ндо сизмъ.

III-я эпоха, „Болсной“, живимъ въ вообра,
женіи преследуемаго, съ 1765—1778г.

Въ это время Руссо жить одинокомъ и неприступномъ,
 общее вниманіе и восхищеніе, козорид, какъ отъ губцовоаль,
 окружали его, несмотря ни на что, любилъ его самолюбію,
 но отъ оставалъ неизлочно подозрительнымъ и прельмъ.
 дуемаль своимъ подозрѣніямъ. Фруктовоцици продавали
 ему зелень по ученической цѣнѣ, тобы унизыр его мило,
 сфиней; Жинажи поворачивалъ на улицы, тобы за,
 давить его или забрызгать грязью; гернила ему продавали
 бльднѣя, тобы отъ ничего не мовъ написалъ въ свое оправ-
 даніе; за нимъ вездю шпіонили и надлюдали, даже въ
 реазрѣ; — воле какія малкія галлюцинаціи прельтодова,
 ли его члв. Онъ записалъ ихъ въ своемъ удивительномъ
 Диалогаль, — произведеніи, которое поразмаеу своимъ крас-
 норвчїемъ и безумїемъ и козорое отъ хотгалъ помозитъ
 на главный ^{адраге} собора Паризской Богоматери. Онъ раздавалъ
 на улицы циркуляръ, обращавшїея ко всемъ францу,
 зашь, модящимъ справедливосеу. Однако отъ ходилъ въ

отъ Париза. Но передъ тѣмъ, въ минору душевной зрѣлости, боится, чтобы Диалоги не попали въ руки враговъ и не были уничтожены, онъ рѣшилъ прообразъ погсто въ соборъ Бога, матери и — какъ я уже сказалъ — положить рукопись на алтарь съ тѣмъ, чтобы духовный мѣра нашли ее и передали королю, но перья его въ ночной рини и въ замкнутости суфрактъ церкви такъ разрушились, что онъ въ срабатъ видѣлманъ, не исполнивъ своего намеренія. Въ Эрменонвилль онъ озилъ, выполнилъ свои швейцарскія впечатлѣнтя, несмотря на слабость новъ бродилъ по лѣсамъ, бо, ранизировалъ; рѣдко посѣщали его почтацели въ родѣ Роденсера; онъ философски готовился къ смерти и ждалъ ея съ часу на часъ. Она не замедлила (1778), и въ внезапн, носетъ породила безчисленныя догадки, предполагавшя всевозможныя виды смерти, отъ аполексии до сурайнаго озравленія и, наконецъ, самоубійства. „Последняго слова никто еще не озвалился произнести (говоритъ А. Веселовскій), да брѣдь ли это нужно: еще вопросъ, сильное ли драматическое впечатлѣнтя безурой озравы или медленно развѣдающей меланхолии и угрюмаго одиночества, унесшаго въ могилу славнаго швейцарца.“

Какъ мы уже знаемъ, после подвѣшенія „Эмиля“ въ 1762., Руссо пришлое бѣгство и некая природа въ невшардѣ, скоиль князюсство, принадлежавшее прусскому королю. Въ озвоуъ на полное дозрѣнства писемъ философа, пресиде

нередко его порицавшего, Фридрих Веласкй принимал его, рн для обеспечения ему спокойного житья, и Руссо три года провель в Val de Travers, пасро монахъ швейцар. прихода, вадет кь бызу крестьянскому, вточно бродя по горахъ и сер. Базилье. Долгие зимние вечера проводилъ онъ у камина, вспоминая о древогаль своей жизни, и дурь уже явилась у него мысль написать мелодары или исповядь - Призна, нид (Confessions). Но враги не оставили его в покойств. Les Confessions, зреть chef d'oeuvre Руссо¹, ковь онъ написалъ гораздо позже, ^(в 1770-х) вь последние годы своей жизни и это его последнее главное сочинение издано лишь вь 1782 году, сдало-быть, черезъ года после смерти автора. Въ этомъ про. извешенн средьвечный человекъ изобразилъ во всей своей реальности, - лучшимъ изъ людей по природнымъ добродет. Землемъ, и насмешливымъ изъ ^{людей} порокамъ, порожден. нвилъ общезвонмъ. Ему стоило зомско рассказать своего жизни, тогда произнесши приговоръ надъ общезвонмъ и осуждиль за природу. Но главного его читателю было удобиль вь воз. можности возрожденія вь цивилизованномъ человекн средьвечного человека. Всредьвечный человекъ возмознеть, потому что онъ - здесь, на лицо.

Связь между сильно развитой францазей и непомогр. нымъ издешавиль возвращаетъ довольно часто. Мы ее посто. Янто замочалъ у романциковъ². Одна особенность под. держиваетъ. Другую и его тифаетъ. Всподу преследуетъ

¹ нагаран или уже вь Москве и вь Англии.

² напр. у братьев Шлегелей вь нем. яз.

Руссо писал, что он исключительное существо, что он имеет совершенно особый характер, что его нельзя судить по другим людям. Судьба его необычайна, у него особая миссия, на него устремлены глаза всех окружающих. «Я предпринимал дело, за которое начинаю отъ своего Моповода, которое не имеет примера и никогда не будет иметь подразделения». Я хочу показать близким моему человеку во всей правде его, — меня самого. Одною мнѣ. Я знаю сердце свое, знаю людей. Я соображаю за все, какъ никогда не зналъ, кого я видѣлъ; я осмысливаю думая, что я соображаю иначе, чѣмъ все существующее. Если я не лучше, то, по крайней мѣрѣ, я иной». По замечанию Вольтера, едва ли найдется другая книга, гдѣ было бы собрано столько гордости въ такомъ маломъ количестве строкъ. Въ связи съ воображеніемъ, самолюбіе Руссо приписывало ему множество мукетій. Полагая, что мнѣ завидны и заинтересованы, онъ поодиноку бѣжалъ на реку, осматривался направо и налево, слѣдилъ за рыбами, какое внезапное онъ произвождаетъ. Мнѣ же подслушивалась ему фраза: «его и его зюлько ему не представлялось!» Въ его Моповодѣ мы находимъ на эту тему множество разсказовъ — и комическихъ, и трагическихъ. «Тысячу разъ», пишетъ Руссо, «въ мои молодые годы, когда я бѣжалъ въ урѣчь, и позднее, я отправлялся съ цѣлымъ купцомъ какое-нибудь лакомство». Я подхожу къ Булочной, вижу за прилавкомъ меншицу; и

вою ить уже сваяся, что она улабаторя и хихикаетъ
 между собой надъ лакошкой. Я иду мимо фрунзовица,
 икоса помахивало на прекрасной груди, иль замахъ
 соблазнитель меня; но на меня смотрятъ двое или трое мо-
 лодыхъ людей, стоящихъ около; а вошь фанъ ездить зна-
 комый лабоинтъ; вдали идеть какая-то женщина, да
 не слышатка ли это изъ нашего дома? Близорукое, вво-
 дить меня въ связь заблуждений? А прикинуто велько
 проводящихъ за знакомыхъ; вездѣ я сконфузень, вездѣ
 меня удеривають какое-либо обезьянство; желаніе мое
 расцвѣтъ вилье съ средой и, наконецъ, я возвращаюся
 дуракомъ, держаемый неудовлеворенной приложью, съ
 денгами въ карманѣ, на которія я не пошлю ничего
 куплю. — Нужно признавъ, что это очень тонкая и вѣр-
 ная психологическая картина; аналогическія ощущенія
 бывають съ очень многими людьми, но дѣло въ томъ, что
 у Руссо подобная заступившая подозрительное, подобныя
 мучительныя колебанія — представляють герцу постройнице,
 повзрѣвающую, которая не пропадетъ, но развивають
 и целитъ съ годами. Однажды, уже будучи взрослымъ
 юномъ, Руссо нурембергъ съ одной датой и приделаетъ
 ея маркизомъ. Давно сильно хващиваетъ за Руссо, который
 самъ губитъ къ ней склонное, — маркизъ охрипъ надъ
 нимъ. И вошь, рассказывають Руссо, по свойственной имъ
 одному странности я написалъ себя представлять, что они

между собой договорились — для того, чтобы надолго посылить,
 Ламбей и т. д. ✗

В последние годы жизни подозрительности Руссо до-
 сужила крайних предположений, она усиливалась под влиянием,
 его болтовни. Положение его сранивало с сумасшедшим,
 емь. Ему казалось, что прозавь него во заговоры весь мир,
 что прозавь него сродня корин — Дидро, Толстобалианцы,
Волпозерь. Самые безразличные похулки окружающих
 отъ относил къ себѣ и исполковывалъ ихъ во вралдед,
 номъ смысле. Извѣстно, какъ отъ похулки ссорилъ
 съ друзьями, какъ отъ перетозналъ съ Ламбей на Ламбей,
 издѣвая мнимыхъ преслѣдований. Жилье, которое снала,
 на закъ сочувственно относилъ къ Руссо, болъ иль закъ
 заиселенъ въ зрительныхъ заговорничковъ: двумя другими
 знаками Волпозерь и Даламберь. Конечно, что въ данномъ
 случаѣ мы иль. Мы дали уже съ помыль психический
 разстройствовъ, но развивалось оно похуленно — изъ при,
 родныхъ задачковъ Руссо, и направление самой болтовни
 было въ значительной степени обусловлено зрительныхъ
 развизель франзази въ связи съ сосредоточенныхъ само,
 модиль.

выдающийся
 Указу еще на некоторые черты этой личности, редко
 водервуде ея исповѣдью, ея содверженными признаками.
 Въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ (Les Confessions) Руссо
 дѣлываетъ, какими образомъ похуль зримъ и ладивъ

въ немъ двѣ особенности, по его мнѣнью, почти исключи-
 тельныя. Онъ находится въ себѣ съ одной стороны пылкой же-
 латель, сильный и неустойчивый эгоизмъ, и съ другою —
 медленность и задержанность въ процесѣ мысленій.
 Какъ будто, забываешь отъ, мое сердце и мой умъ не при-
 надлежатъ одному и тому же лицу: гудево быстро мое,
 мнѣ проникаетъ въ мою душу, но вѣнгеро роко, тобѣ оза,
 рифъ и просвѣщаетъ меня, оно жонетъ и ослѣпляетъ меня.
 Я все гудево и ничего не вижу. — Напрасно изумлялся
 Руссо соприсуществу въ немъ двухъ особенностей, связь
 между обоими явлениями какъ нельзя болѣе нормальна:
 медленность правильного мышленія и логической сообра-
 зительности какъ нельзя болѣе гармонична съ инстинк-
 тивно гудево и склонностью къ эгоизму. — Эту медлен-
 ность въ мышленіи, соединенную съ живостью гудево, про-
 должаетъ Руссо, я ощущаю не только въ бѣствѣ, но и тогда,
 когда я одинокъ, когда я работаю. Идеи мои складываются въ
 головѣ съ невторичною трудностью: они шумно приходятъ,
 безпокойно бродятъ, возбуждаютъ меня, воспаляютъ,
 похлещаютъ, среди этихъ волненій я ничего леко не вижу,
 я не въ состояніи написать ни слова, я долгиего жду.
 Понемногу сдѣлается броженіе, какою проясняется, предме-
 ты срабатываютъ по мнѣнью, — но все это совершается медлен-
 но и послѣ долгаго и безпорядочнаго предвѣщенія. Руссо
 сообщаетъ при этомъ, съ какою трудностью отъ пишетъ:

его рукописи, перепаранная, переправленная, неисчерпывающая со всеми сторонами помыслами, свидетелем существующего, чего существуют для него изложения. Тут же, медленно складывается его мысль, подбираемая пачками в кубики и беспорядочными грезами. — Къ этому преобладанию самодвижения и перемещения над логикой Руссо сплоск да рядком возвращается въ своей Метоводи и другие автобиографические рассказы. Онъ указ, забывает на неконченную любовь своего къ французским предметам, на своего склонности отдаваться по целым дням безоглядному желанию мечты, на способности создавать себе целый идеальный миръ и переносится въ него мысленно, забывая окружающую действительность. Онъ не может долго слѣдить за чужими мыслями, ему плохо дается работа послѣдовательная, систематическая. Онъ предпочитает охотиться самъ съ собою, уходитъ въ свои грезы, по возможности, при охраняя отъ себя всякия внешнія помысли. Подобно Тьерсу Вергеру, Руссо погружался въ самого себя, находилъ въ себѣ целый миръ, возмелъ съ своимъ сердцемъ, какъ съ болельнымъ ребенкомъ. „Я люблю заниматься бездѣлками, начинаю что-нибудь и не оканчиваю ни одного, бродю какъ мотъ въдумаясь, пытаю еше минута проекты, слѣдую за мухой — во время ея движения, фантазирую о томъ, что можно найди, приподнять какую-нибудь скалу, приприминаю съ маромъ какую-нибудь работу на десятъ миль и безъ сожалѣнія бросаю ее по произволу десяти минутъ,

Amphibolite

болгарся целый день без цели и направления и во всем
слышавъ зорко настроенно минуты: ✕

Руссо былъ неизлечимымъ романтикомъ; но романти-
ческая форма его души была результатомъ необузданнаго субъек-
тивизма, овлаившаго его неспособнымъ подчиниться какой-
бы то ни было реальности и хладнокровно наблюдать ее,
чтобы передать ее во всей ея действительности. Руссо подоб-
лялъ себя все внѣшній миръ; онъ видѣлъ все сообразно
своему личному настроению и не старался разглядѣть
объектъ сквозь ^{его} дымку своихъ ощущений; онъ могъ переда-
вать только эри самую оцущенія. Онъ замечалъ, что природа
измѣнялась вѣтвѣть съ нимъ; ощущая зоръ не самой, она ка-
залась ему уже не зоръ, когда онъ самъ сражился другимъ.
Такимъ образомъ онъ былъ великимъ зрителемъ относитель-
ности впечатлѣній. Но эра зиралими личными ощущениями
создавала картину поэта, и поэтому Мопертюбъ, въ которой
Руссо намѣревался передать историю своей жизни, оказалась
тѣмъ ишей поэмой, вслѣдствіе поэтического субъективнаго
избраженія действительности. Самъ Ламартина не обнару-
живаетъ болѣе неспособности къ зоркому разсказу о
самомъ себѣ, тѣмъ Руссо въ своей Мопертюбъ. Т. Ламартина
говоритъ: „Эго (Руссо) можно на каждой страницѣ уличить
въ явную ложь — я говорю: въ ложь, а не въ ошибку — и
между тѣмъ, взвѣдая въ целомъ эра книга — сама пла-
менная оскровенность. Дало въ зоръ, что ея оскровенность

въ самомъ себѣ и черезъ самого себя, можеть быть объежено
 зольско силою нравственнаго инстинкта, который била ея,
 тала извращень или подавленъ, но, подъ вліяніемъ ея имѣя
 ошибку, не зольско не заглохъ окончательно, а напротивъ того,
 пробудившея къ напряженной дѣятельности. Въ знаменит.
 зой фразѣ Руссо: „Пущь кто нибудь скажетъ, если осмѣлюсь:
 я била лучше зого чловѣка“ (Je fus meilleur que cet homme-
 là) — много гордости; но въ ней етъ однако и правда: Руссо
 должетъ била обладатъ болшимъ нравственнымъ прево.
 ходствомъ, чтобы не кончилъ дурно, послѣ своихъ первыхъ
 шаговъ. Онъ имѣлъ право, на основаніи своего собственна.
 го опира, пѣть гимны совѣсти и свободы, съ помощію ко.
 торыхъ ему удало поднаться... Причина и цѣль радости
 вынужденнаго самоусовершенствованія у Руссо — Богъ, который
судить и воздаеть по заслугамъ. Богъ являетъ неограниченно
 нравственности. Илія, выданная замуривъ за нелюбимаго
 чловѣка, униженная и доведенная до отчаянія, нашла,
 етъ радость своего вынужденнаго возрожденія передъ лицомъ
 Бога, передъ „вѣчнымъ, всевидящимъ Окомъ.“

Чловѣкъ згоу, писалъ Илія о Руссо, въ зеленіе всей
 своей жизни зольско чувствовалъ. Прочитавъ о зомъ, что
 Руссо работаеть надъ своей автобиографіей, Волтеръ написавъ
 либо и острочно замарилъ въ письмѣ къ Даламберу: „го,
 то лично касаетъ зого философа, и имѣеть въ его глазахъ
 универсальное значеніе, и я бы поговѣривалъ ему о загла.“

женная и несвободная. Но онъ же возсталъ противъ мажера.
 Динзла, обратился къ религии и даже не основывалъ, какъ
 Волгера, на доказательствахъ разума, а ссылаясь необходи-
 мого потребности сердца. Для Волгера Богъ, это — идея, фи-
 лософская необходимость или результатъ соображеній объ об-
 щественной пользе; для Руссо, Богъ существовать. Волгера
 доказываетъ существованіе Бога; Руссо отрицаетъ его. Руссо
 разбивался только изъ самого себя, независимо отъ господствую-
 щихъ понятий, обычаевъ и предразсудковъ. Онъ былъ дуракъ на-
 рода, любилъ народъ и все безъ исключенія сравнилъ во не,
 посредственное отношеніе къ народу. Предсказанный са-
 мому себя съ самаго детства, долго отъ ^{на}идаль образованія,
 но когда получили его, то спросилъ самого себя: "для чего
 ли оно людей теловичные, благородные, мужские, — или оно
 только бесполезная, да еще можетъ быть опасная и безраз-
 судная прихоть и роскошь теловика, козтому нелегко въ
 царь?" Долго онъ искалъ также свободы и независимости,
 гениальности теловича, носилъ либрето и долженъ былъ скла-
 нять свою голову передъ модой низкими и недостоини-
 ми. И развѣ эта свобода, эта независимость, достигнута при
 такихъ отношеніяхъ общества? Развѣ она возможна при не-
 выносимомъ гнетѣ рождатней опалкой государственной ин-
 сти, козорахъ все и вѣсѣхъ подчиняла господству казны? Но,
 этому Руссо негодуетъ на несуществованіе этого образованія,
 козрое изнѣмиваетъ теловика, негодуетъ на государство.

Онъ хочетъ разрушить во Франціи все старое и вредное, — и на
 мѣсто его построить новое и спасительное. Но въ чемъ же
 состоитъ государственная человѣческа образованность, где это до,
 стойное человѣчество государства, въ которомъ возможна
 и осуществима эта образованность? — Въ этихъ вопросахъ
 и заключаются все существующія убѣжденія Руссо и направле-
 ніе его литературной дѣятельности. Главныя сочиненія
 его: „Разсужденіе о наукахъ и искусствахъ“, „Разсужденіе о
Неравенствѣ“, „Эмиль“ и „Общественный договоръ“. Эти четыре
 сочиненія находятъ между собою въ послѣдობахъ связи.
Первыя два составляютъ критическое отрицаніе существующаго
 порядка вещей, объявленіе войны господствовавшимъ тогда
 формамъ общества и образованія; два послѣднія, напротивъ,
 представляютъ идеальное построеніе новаго порядка,
 опыты улучшеній и преобразованій. Эмиль — отвѣтъ на Руссо,
сужденіе объ искусствахъ и наукахъ; Общественный дого-
воръ — отвѣтъ на второе сочиненіе. Разсужденіе о наукахъ
и искусствахъ хочетъ доказать, что существовавшая тогда
 форма образованія — вредна; Эмиль старается предложить
 человѣчеству иное образованіе. Разсужденіе о неравенствѣ
 сословій доказываетъ, что существовавшая до революціи
 форма французскаго государства находилась въ обратномъ
 противорѣчій съ правами и достоинствомъ человѣка; Общественный
договоръ хочетъ найти правильную и
 истинную форму государства, которое возстановило бы

весь врожденный нрав человека и доставило ему обществ.,
вечную и нравственную свободу, которая составляет не,
обходимейшее дело человеческого счастья.

На средства для сближений общества с природой нам
указывает закон Новая Элоиза. Юлия передвигается не
только своего индивидуальную жизнь, но возманивает и семью,
а семья — „самое древнее из обществ“, „первый образчик по-
литического общества“. ¹⁾ При исключении лжи и порабоще-
ния, среди самой передовой цивилизации, может возникнуть
естественная семья, в которой чужденная жизнь будет раз-
виваться, не сопровождаясь развращением сердца. Каждый
из нас, даже в своей созвучной жизни, может возродить
в себе естественного человека. Таково смысл Новой Элоизы.
Это может быть невинный, по своей природе, взаимной люб-
ви Юлия и Сен-Прё; но они забыли, что жить по природе
в настоящее время невозможно. Общество не размыкает
их любви и разлучает их; оно вводит Юлию замкнуть
за мелочливого человека, в те время когда она любит
другого, — и незаметно толкает к прелюбодетству. В этой,
сбыточности, любовь — общественный продукт; природа же
— правдива. У Юлии, простонастной религией и сознанием
божественного вездесущия, является представление о жизни,
свободной от всякой лжи. Она отвергает прелюбодетство,
к которому закон социализма общество. Де Вольмар,
двигаясь с законами естественности, помогает ей, поддержать.

1) Contrat social.

Французская история литературы XVIII в.

власть ее и руководить ею. Оба хозяина, чтоб въ нихъ оумо-
метившись господствовала истина, а въезде съ истиной —
свобода, добродетель и счастье. Своей жизнью, наполненной
дорогими ей сердцу обязанностями и здоровыми привы-
чками, среди козловъ даже ей первая любовь сохра-
няетъ свое законное место, Илия реализировавъ возроди-
те естественныхъ отношений въ форте, зерникой въ циви-
лизованномъ обществе. Но главное средство общественного
возрождения заключается въ возвращении общества къ своему
принципу, къ неограниченности своего происхождения. Это — земля
Общественного Договора. Въ Разъяснении о Неравенстве
находится также записка и Общественного Договора.

Надо представлять себѣ первоначальный предупредительный
договоръ всякаго общества. Все люди, предварительно рав-
ные и свободные, одинаково отказываются отъ своей свободы;
они подчиняютъ свою индивидуальную волю, бывшую ран-
ше верховной для самой себя, всеобщей воле, срабовъ-
щейся единственно верховной принципомъ. Почему?
Потому что всеобщая воля обеспечиваетъ благо всѣмъ. Та-
кимъ образомъ, въ силу первоначального договора, люди оста-
ются равными въ обществе; они перестаютъ быть свободными,
такъ какъ, предавая верховную власть коллективно, ин-
дивидуально они — подвластны, но они всецѣмъ свободны,
такъ какъ быть свободнымъ — значитъ подчиняться своей
общественной воле, а посягательное, неограниченное желание

цивилизованного человека заключается в том, чтобы все, и в том числе отъ самъ, подчиняется общему воле. Такимъ образомъ, индивидуумъ отказывается отъ всякихъ своихъ правъ и не становится рабомъ. Отъ все свои права получаетъ отъ общества и не является ущемленнымъ, какъ какъ ущемление, это — эксплуатация всехъ немногими, это — неравенство. Правда, видит не есть верховная власть; отъ — только агентъ верховной власти...

Но это еще не вся система; въ ней недостаетъ божнаго элемента: Бога. Часто удавляюсь слышавъ утверждению, что человекъ, въ своемъ приливномъ состоянии, какимъ его создала природа, — добра, и спрашиваю, где же можно найти доказательства этому? Въ Бога, который не пошь со, знает человекъ дурнымъ. Но, если человекъ уже сталъ дурнымъ, до какъ отъ можно снова стать добрымъ? Черезъ посредство Бога, присущего въ немъ въ видъ энергии, ка нравственной энергии, опоры его воли, поручителя и свидетеля его внутреннимъ обязательствамъ. Безъ Бога рождаются все. Отсюда прекрасное письмо Юлиан о религиозномъ праздновании ея брака; отсюда — проеэранная Profession de foi Савойскаго викария.

Мелкия сочинения Руссо — образцовыя произведенія красноречія и полемики. Въ они слышатъ дополнениемъ и объяснениемъ къ большимъ сочинениямъ. „Разсужденіе о вредѣ образования“ вызвало „Письмо къ д'Аламберу о степеняхъ“

или „Зрелища“). Какъ мы знаемъ, Вольтеръ учредилъ въ 1775 г. театр въ Феррѣ и ходилъ даже съ нами и въ са. мой Менавъ; г. Ламберъ, въ сущности „Менева“, писанной для Энциклопедии, гласно заявилъ это желаніе. Руссо яроузъ, но воздержалъ прозубъ этого предложенія. Въ болшихъ городахъ, по его мнѣнію, театры еще можно держать, какъ неизбежное зло, — потому что жалъ они не приносятъ болшого вреда; въ маленкихъ же городахъ театры только уничтожаютъ любовь къ зрѣдъ, увеличиваютъ роскошь, развращаютъ нравы. Доче определенныя прибавляетъ ко второй диссертаціи „О неравенствѣ“ (Inégalité) — „Разсужденіе о политическомъ экономіи“, написанное для 5-го тома Энциклопедии. Въ записку „Эмилъ“ и преимущественно религиозной ссоры этого сочиненія написаны „Lettre à Christophe de Beaumont“ и „Lettres ^{écrites} de la montagne“.

Такимъ образомъ, мы видимъ, до какой степени (славнѣйшимъ) произведенія Руссо тѣсно связаны между собой и въ своихъ различныхъ частяхъ; но они также тѣсно связаны и съ личностно автора. Трудно было бы ожидать, чтобы такое чистое, логическое учореніе, резюмирующее, тѣмъ въ очень немногихъ основныхъ принципахъ, двѣ, малое въ то же время охватывающее свои разбросанной, бурной и зрѣвостной жизни. Между тѣмъ это такъ. Руссо говорить намъ, что естественной человекъ, это — отъ сама. Въ другихъ обществѣ уничтожило его; въ немъ оно только

его придавило, как что образцом, по которому следовало
реабрироваться цивилизованного человека и цивилизо-
ванное общество, является сам же Ж. Ж. Руссо. И вот, по
всему уже приведенному списку прибавляется еще по-
следний главный труд (chef d'oeuvre): les Confessions, это
естественный человек изобразить во всей своей реально-
сти. В Диалогах Руссо сам дает нам обличье характе-
ристику своих сочинений. Таким он резюмирует и
обнадеживает нас общество. X

(Многотыся идея Руссо). Без сомнения можно утверждать и
всего Руссо, в обществе и культуре, это видный, кото-
рый определялся формы его мысли. Дидро, в эпоху и в
первого знакомства, но в том же Руссо извлекает из своего ду-
шевного настроения своего зорко, как как война общества
и возвращение к природе были лозунгами самого Дидро. У
Воландышиса, в это время, когда они обидели витье в
кабак, Руссо мог замечать ислодию жогсу Эммануэля,
основной принцип своей системы воспитания. У Бюффона,
который он всегда глубоко восхищался, он искал обличья
идей, способных раздвинуть и поддержать его гипотезу об
естественном человеке и предубеждений о медленной эво-
люции, ну же которой преобразуется вселенная со всеми
находящимися на ней существами. Монтескье предлагал
ему своего наивного и родного дикаря и разъяснял, как
образом витье с возмужавшими обществом, услаивавшее

неравенство; у него-же, а также у Боссеюэ и Тоббса, Руссо
 замечивали чужие о том, что весь права и многообразие свое
 происхождение и основание в обществу. Даже Паскалю
 Руссо мог быть обязан своим идеям; в самом деле:
 разве одна из его наиболее поразительных мыслей не со-
 стоит в осуждении содержимости? и разве он не прирав-
 нивает ее к узурпации? Кроме сочинений великих
 мыслителей, Руссо мог черпать свои идеи из общераспро-
 страненных, ходячих мнений, сделавшихся общими
 мнотствами; уже давно, еще со времени Монтэзия, в чужих и
 книгах циркулировала афоризма, провозглашавшая
 цивилизованного человека дикарем, и парадокс, признав-
 ший за последние чужеземное и первозданное превосход-
 ство; разве эти идеи не фигурировали даже на сцене Франс-
 зской Комедии в лице Дикаго Арлекина Дегуля или
 осл в его Тимон? Разве общество не повернулось в со-
 рону естественности уже за столетие двадцать лет
 перед тем — как это доказывает Уильям Ламоссе?
 Правда, там, где у других чувств являлось чужие идеи,
 у Руссо мы находим его в самом температуре; но об-
 щее течение побуждало его проявлять свою натуру. Подоб-
 ные-же образы, идея прогресса, эта великая идея XVIII
века, одушевляющая весь произведение Руссо; он признает
 ее действительность как-бы только для того, чтобы еще до-
 ждевательше провозгласить ее возможность и еще властительше

заявить о ее необходимости.

Следовательно Руссо приспособлялся к своему времени и управлял его разнородной тенденцией. Глубокий протестантизм Руссо. Духа Руссо была глубоко протестантской. Его политическая доктрина выражала не одну тисневенную реву, публику: на ней отражалось положение, принудное возмани, ни реформы прозавь католических богословов, опиравшихся на свяскую власть. Опровержение Общественного Договора можно видеть в Предостережениях (Avertissements) Руссо и в политическом сочинении Фенелона, так как наперорь Жюзеф уже разбивал теорию верховного господства народа, шивя в виду оправданье воевания протестантов в XVI вѣтѣ. Глубокий протестантизм Руссо особенно подвергается его нравственной и религиозной философией. Если она, збуварь так непохоже на философию Вольтера или Дидро, то только потому, что Руссо - продукт реформатской церкви. Ореода вытекаеть так же оеет различное понимание Бога Вольтером и Руссо. У католиков только священники, пере-свавши власть, могутъ сохраниеть религиозное чужество; но на о протестантовъ уже было сказано, что они все - священники, - и это относится къ Руссо больше, чѣмъ къ кому-либо другому. Его философия - не отрицанье, но расширение веры. Обращивая догматы, окровеняе, все, что заключалось в церквахъ и священническихъ книгахъ иррационального, неудобопонятнаго и неяснаго, онъ сохраниеть все пово.

тигелное и дозвляющее утешение, — всего религиозную
 существова Христианства; для него, для его протестантской
 души, слова: естественная религия не служили прикрыти-
 елю холодной философии. ¹⁾ В нем жила первая, а впоследствии
 сь второй — любовь и надежда. Его Бог, это — Провидение, и мы
 уже знаем, какую акривцию роль отъ приписывалъ Прови-
 дению въ своей сущности. Мы могли бы преувеличенія
 сказать, впоследствии сь Бротопергеромъ, что философия Руссо есть
 философия Провиденія. Фраге имѣть право сказать, что
 Руссо поздно возвысился до правдивости. Но кто же возвы-
 силъ его до ней? Не родителское воспитаніе, не эта де-Ва,
 ремесло, — и не профессиональные законодатели Туринскаго
^{судебнаго} ~~судебнаго~~ монашества, которые, окресивши его, ни
 мало не позаботились о его правдивомъ возроденіи.
 Все же вліяніе подчинило себя Руссо, извлекло его изъ
 бедны позора, пробудило въ немъ совесть и, наконецъ, воз-
 высило до правдивости? Мы не находимъ такого вліянія.

Руссо самъ пересоздалъ себя, своими собственными силами.

Вліяніе Руссо) Онъ былъ въ особенности великитъ живо,
 писатель природы. Онъ открылъ французамъ Швейцарію и
 Альпы, глубокія долины и высокія горы, ²⁾ иногда онъ рисовалъ
 обширнѣе виды, иногда ограниченное пейзажи. До Руссо
 природа почти не имѣла мѣста въ литературу. Онъ водво-
 рилъ ее въ ней властительною рукою; она стала пред-
 метомъ изумленія и изображенія. Это случилось указаніемъ

Telfmademan

1) Демусъ Руссо, воевавшій съ пасторами и невѣривый въ Ожровете,
 былъ прозо лидерайбномъ протестантомъ.

2) напр. и въ Германіи въ то время не было никакого потивающаго
 для красоты вѣтнннн. Руссо первый открылъ ее.

важной переломки; это была концы психологической лирика,
 эури. Пока единственной земной писателем были геловики, его
 изображали с его выжженной стороны; теперь наряду с ними
 внимание писателя стало разделять природа. Воображение
 Руссо, избравшее все, в общем не избрало природы. Он
 романтизировал события своей жизни, ощущения своего серд-
 ца, свое представление об обществе; но он верно изображал
природу. Это во всем, что она вполне удовлетворила его,
 одно простое существование ее уже доставляло ему наслажде-
 ние. Многообразие ее стороны он передавал с замечатель-
 ной силой. Своими лиризмом и живописностью Руссо воз-
 становил в французской литературе искусство; переда-
 вались иль эмоция и рисовавшиеся иль картины уже
 не подчинялись больше закону об исключительности и логичности,
 они должны были соотноситься с законами прекрасного
 и с требованиями вещности. Какими образом подготовля-
 лась революция литературного языка.

«В конце концов, в Руссо переплывалось все: его я
 и природа, абстракция и ощущение, логика и экстаз, красно-
речие, романс, поэзия, философия и живопись. Он завла-
 дывал нами через посредство всех наших способностей;
 мы возвращаемся с ним повсюду: в политику, в морали,
 в поэзии, в романс, при начале вещей широким пу-
 тям, ведущим к современной эпохе» (Лансон). — Кратко
 того сочинения Руссо «О науках и искусстве», «О происхождении

неравенства", "Объ общественномъ договорѣ" послужитъ основой для принциповъ и воззрѣній позднѣйшей французской демократіи. — Особенно широкимъ образомъ восхитались его ученіемъ. 1)

Въ іюнь 1878 года, въ воспоминаніе столѣтняго дня кончины великаго писателя, было издано нѣсколько публик. на въ гитній и произведенныя роли, козорили опредѣленное значеніе Руссо. Муртадъ изъ этихъ ролей принадлежала Луи Блану, а приведу изъ нея отрывку писателя.

"Мать-Мать Руссо предсказываетъ себѣ народъ", сказала Викторъ Гюго. Дипервизентно, Руссо — это народъ въ XVIII вѣкъ. Онъ предсказываетъ народъ не только въ своихъ сочиненіяхъ, но и въ своихъ сраданіяхъ. Подобно просвѣдникамъ, онъ спискивалъ пропитаніе зрудомъ своихъ рукъ. Подобно просвѣднику, онъ часо нудилалъ въ притюхъ и нищю. Онъ предсказываетъ себѣ даже утхъ, козорые узнали въ беднцъ нищеза. Какимъ униженіемъ не унижалъ онъ! Эрозъ гени, альвий цмъ балъ бродилой, Эрозъ великій человекъ биль нищиль. Мотъ-ли ^{онъ} тосель этого не соубезвобаетъ великъ, ко срадаеть? Однаиды, изнемогая озъ усалоески, онъ выходилъ къ кресъданину... "(здесь Луи Бланъ разсказываетъ намъ уже извѣстную исторію о кресъданинѣ, козорый бонредъ сбор. щиковъ). " Съ этой нищубы нуръ его (Руссо) биль обозначенъ. Злополучная мрцшка судьбы, бросавшей его озъ рамидго двозства и до крайнихъ предѣловъ зрѣлаго возраста по биль въ мизанскимъ мазарсубалъ, попеременно — писецъ,

уланник гравера, сурмансвудоний работник, лакей, музы-
кантъ, унцел, секретарь посольства, прикащик, кассир,
перемешник кофь, оны были уже зридчари семи лѣтовъ,
 когда началъ писать. Какую дорогу избереуть отъ? Въ ту пред-
 сьядло озановиуется на одной изъ двухъ доктринахъ. — ихъ до-
 сикъ поръ еще не согласили между собой, — доктрина инди-
 видуального права и общеуниверсального долга; одна, называю-
 щаяся прекраснѣе интерель свободы, — благодѣяство личного
я; другая, говорящая модилье, что зашь, едѣе равенство и
братство не дають свободы, сущесвуетъ только право сильнаго.
 Образованная буржуазія следовала первому учению, никакъ
 материальная среда, она, очевидно, не удовлетворяла потребности,
 еси въ ассоциацию. Она сознавала, что померъ безъ по-
 мощи помощи удовлетворить всестороннимъ потреб-
 ностямъ жизни. Эту „индивидуальную свободу“ выработали
 для нея Вальтеръ, Кондескѣ, Тюрго и Энциклопедисты.
 Какъ представители либеральной буржуазии, они требова-
 ли свободы мысли и слова для борьбы съ дуровесствомъ,
политической свободой — для уничтоженія монополій. Но
 все эти требования пытали только только для людей обра-
 зованныхъ и богатыхъ. Что же требовалось для людей,
 погрязшихъ въ нищету и невежество? Мѣтъ культура
 была „сила“, которую даетъ ассоциация; только благодаря
 ей, немощные люди могутъ достигнуть восполненія вашихъ
жизненныхъ потребностей и приобщаться красоте въ про.

грессы, въ качествѣ, равноправныхъ гражданъ; личная
 свобода при разведиченіи — для ниль смерти. Вошь зру вели.
 кую педуну и сознали М. М. Руссо, сравъ оужрадо на сторону
 угнезетноиль. Благородное мелодованіе его, при видѣ народ,
 махъ бѣдсрвій, привело его къ цылому ряду парадоксовъ, ко-
 зорие въ глазалъ безирисрвасрвмаго криурика не муидалоуа
 въ оправданіи. Тамъ, напр., М. М. Руссо нападалъ на науку
и на цивилизацію вообще, говоря, что дикіе народы счас-
 ливы потому, что, благодаря своему невежеству, они не
 сумели создать разнообразнѣйшихъ формъ рабства, суцсрв-
 вуониль у культурныхъ народовъ. Во всякомъ случаѣ, эти
 парадоксы было бы ошибочно понимать буквально, потому
 что шеневскій философ хотѣлъ только указать современ-
 ному обществу на то, что оно замѣнило неравенство, уста-
 новленное природой, неравенствомъ искусственнымъ, аб-
 солотно вреднымъ для него. Въ XVIII вѣкѣ чужество неравен-
 срва проявлялось повсюду; не только дворянство, но и буржу-
 азія была не чужда его. Въ глубинѣ своей лавки купецъ
 сидѣлъ на сруль, оулиаившемся особенной формой отъ всѣхъ
 другихъ; на голову его были парикъ, свидозетсрвовавший
 законъ о мнорсрв, занимаемомъ имъ въ црвхѣ. Торжмой дом,
 мноръ былъ доволсрвовагрв парикомъ, конглавилмилъ од,
 мой буклей; аптекаръ имѣлъ право на три букли, парик.
 махеръ — только на двѣ. И если бы еще неравенство заклю-
 чалось только въ зриль мисрвиль, зисрславлнхъ означеній!

Но всего гуще выделенное оно сказывается в распределении
 благи и страданий. Наверху — необузданный наслаждение, внизу —
безиредная нищета. Между ними как дворянство
 и духовенство обладали половиной королевства, которую они
 поглощали, миллионы дворян ждали милости во всякие кон-
 цах Франции выславляли напоказ свои лохмотья и язвы.
 Сначала они вникали обращение, потом начали выступать
сказать. В 1767 г. им было задержано 50 заседать. И при ка-
 кой-то порядке вещей появилась книга Руссо: «О происхождении
и причинах неравенства между людьми». В «Общественном
договоре» они вникали, что обязанности повинны,
 встает общей воле высказаться из необходимого условия, силу
такого охраной свободы и вить каждого каждого никого, кроме
господства себя. Они ушли, что добро независимо от человека,
благосостояния человек. Почему Руссо был так несчастлив, — он,
всего больше измучивший дух радости, доказываемая любовью
к природе и друзьям? Почему у него было столько врагов?
Почему, что беднаказанно не возрадовал возродил общество,
погрязши мир; почему, что идеал Руссо не был идеалом
его современников; почему, что он был посреди своего взвеса
представителей будущего взвеса; почему, что, решившись во
что бы то ни сделало осваиваясь вторично своему благородному,
но опасному девизу: посвятив всю жизнь своего искупления —
vitam impendere vero, — он должен был испытать часы
всего его пробовосудников, т.е. считаясь лицемником своего

собоувеннаго гения.

« Нельзя сказать однако, чтобы Руссо вовсе не цѣнили
его современники; его книги читались съ мадностью, благо,
даря его гарцющему слогу. Знаменья лица, двисимый, если
не восхоргошь, до любовисудоволь, постыцали цдогий прилонъ
писателя, добавившаго себѣ ллодь перениского коуъ. Праницъ
Конзи и маршалъ Люксамбургъ сгизали за гесуд оказывае
ему покровисудово. Они не слытали въ Contrat social шу.
лишь расказовъ революціоннаго грома. Между писателями
находились также люди, благоговѣшіе передъ его гениемъ, какъ
Тиронъ. Онъ бовль почти слѣпой, когда Руссо въ первый разъ
постыцалъ его. Вскочивъ съ своего мѣста и оузнавъ оуцую
руку Руссо, Тиронъ призналъ ее въ сердѣу и воскликнулъ:
« мои желанія исполняются! генеръ смеръь мошерь придри
ко мнѣ! »

« Но въ особенноеи цѣнль привлечь къ себѣ авторъ
«Новой Элоизы» сердца шенциновъ. Млена г-тъ Верделенъ
и Лазуръ Фрраккевилъ оуанудей въ позомеуви неразрывно
свздатными съ мленами Шанъ-Шака. Цепныхъ «Новой
Элоизы» у шенциновъ помядентъ. Онъ наководри въ ней не
долско борбду незаконной ллобви, ея восхорги и зерзанія,
ея урасерный порывы и горькія сочмалнїя, изобразенная
съ огисеннымъ краснорочіемъ, но еще и вины ллобовницы,
искуленную добрододелами шены, какъ что слабоси шен.
циновъ исгезали передъ гшнво, что сосхавляеуъ ея величіе;

тиса, утраченная в упоении сражи, воскресла в лагерн-
 сколь губевт. Мракъ, неслася Руссо были отнаси возна,
 грасидаси. Не былъ ли онъ само исключительнн нкъ при-
 чиноу? Предсавзе себъ человекъ грудобазало и нвоинаго,
 заслонкиваго и гордаго, искренняго со встали и со самими
 собою, человекъ, единственной ошибкой козорало было пре-
 увеличенное требованне правды, подозрительности козорало
 нкъла нечотничковъ безразличности нкъникоу, а ненависть
 - раздраженности любви. Такого человека во XVII вѣкѣ Монт-
 еръ назвало мизантропомъ; во XVIII - онъ назывался Руссо.
 И сравните судьбу этого человека со судьбой Тремейскаго нар-
риарка, привнхорвудеаго жонноу, окруженнаго поездею
и леэтею... Мизерадурности знаменитости кадили Вонзери,
 королн улаживали за нимъ; слазливый до конца жизни,
 онъ влазвовалъ надъ своими вѣкомъ и наканунѣ смерти
 присудствовалъ на празднествѣ своего безсмертн. Не будеме
 удивляться этой контрасту. Вонзери былъ великий чело-
 вѣкъ, во козоронъ нудидася XVIII вѣкъ. Но была-ли хоуж
 одна великодушная идея, козорой-ба Руссо не слушилъ
 во своихъ сочиненнхъ? Было-ли хоуж одно благородное чув-
 ство, козорого-ба онъ не прославлялъ? была-ли неспра,
 вѣдливоеу, козорую-ба онъ не заклеймилъ? Был-ли хоуж
 одинъ общезвѣстный и семейный долгъ, исполненн козо-
 рало онъ ба не требовалъ? Вспомните язико, козорель
 авторъ „Новой Элоизи“ засравляеу говорить любви во этоу

бник пошлаго Волокирева и утонченного разврата. Руссо
 высказал, что мать должна сама кормить своего ребенка.
 Руссо провозгласил первый правдивное равенство меж,
 ду женщиной и мужчиной. Он выразил мысль, что ре,
 месо должно входить в воспитание, создал систему про,
 фессионального обучения и рационализировал труд. Влияние
 его, на то бы оно ни распространялось, было всегда благо,
 зворно и сильно. Как философ, он значительно способ,
 ствовал преобразованию нравов, как писатель, он создал
 близкородственную литературную школу, из которой вышли:
 Тернарденн-де-Сель-Иверн, Шафобрианн, Ламетт, г-жа Суваль,
 Моршн-Зандь. Как публицист, он подготовил фран,
 цузскую революцию. Конечно, революция подготовлялась
 давно, столько интеллектуальных усилий, столько несправед,
 ливостей, сколько страданий способствовали к тому, чтобы еднаться
 ее неизбежной, что трудно определить в точности, насколько
 принимал участие хоть или другой человек в принимал,
 ее породивших. Но все-таки несомненно, что в ней безры,
 таясь следы двух доктрин, представлявших собой в
 XVIII веке были: одной - Руссо, другой - Энциклопедиста. Пер,
 вая - это господство индивидуализма. Она преобладала в
 учредительном собрании и вдохновила воемодернизм,
 рондлетов. Вторая преобладала в конвенте, она вдохно,
 вила монпансьевость. Эти две партии дополняли друг
 друга, и борьба между ними служила как-бы результатом

того недоразумения, которое существовало между Вольтером и Руссо. Французский философ утверждал все неосновательность подобия анархизма и сказал однажды: „Мать-Мать и я, мы точно будем апостолами Петра и Павла“. Однако, они не примирились при жизни и не могли себе отказать отсюда, до какой степени они утратились в пользу одного и того же великого дела.“ —

Руссо, это — удивительный оратор, подобного которому не было со времени Босюэ. Он единственный великий французский проповедник XVIII века. Его фраза — ораторская, полная, звонкая, которую слышавшие чувствуют величие или забывавшие чувствуют величие. В пламенной страстности — все искусство Руссо.

Бюффонъ (1707—1788).

Из других философов и ученых предиссервентиков революции называли генерал-президе всего Бюффона. Фраза (Fuguet) замечает, что Бюффон вильеет к Руссо являясь величайшим поэтом XVIII века. Мрак, ^{надев} приходящая и о нем здесь распространяется.

1707—1788.

Морис-Луи Леклерк граф де Бюффонъ (Georges-Louis Leclerc, comte de Buffon) родился 7 сентября 1707 года в Мон-Барте (Montbard), — сын советника Бургундского парламента, изучал естественную историю по Англии и Италии с одним из молодых английских лордов и, побидительно, посвятил себя сначала математике. Позднее он занимался физикой и астрономией. На значительней в 1739 г. управителем королевского сада (Jardin

des plantes), онъ задумалъ съплащать исхорографомъ природы,
 планъ его обнималъ все звореніе оубъ формациі земного ма,
 ра до манерь, оубъ челоюка до минераловъ. Онъ принялся
 за свой зрудъ съ шаромъ, цылымъ деедъ маъ чюозредилъ на
 подгозовку манерьдлово, наконецъ въ 1749 г. издалъ первые
 три тома своей „Фисезуевной исхоріи“ („Histoire universelle
 générale et particulièrè“), козоя похуемно доюола до зрудъ,
 цари шески томовъ. Тотофронъ 50 маъ работалъ надъ своей исхо-
 ріей, „Темъ, говорилъ онъ, это-долгое зертваніе“; и все-таки онъ
 не цыталь ее кончить, но его работы оукрыли ему дохуеъ
 въ Академіи Маукъ. Въ 1753 г. онъ верунилъ во Французъ,
 скуро Академіи. При первой возмощносу онъ бѣжалъ изъ
 Париса и оуравилъ въ Монархъ. Мнѣя болыишь бериланъ
 въ своемъ Монархскомъ почтѣзетѣ, онъ работалъ запершиъ
 въ цедипенномъ навѣшюмѣ, разодъвшисъ въ самую тонкя
 круженевидъ маньера, надъво огромной манудренной
 парикъ. Намеавъ мѣсколко оуранисъ, онъ уходилъ въ садъ
 и гдлалъ по аллейкѣ до зѣлкѣ поръ, пока не оуручлалъ
 въ голову своей мѣсколкихъ періодовъ, и подгозовилъ за-
 кинъ образомъ изломеніе, ондѣз записался въ своемъ на-
 вигопѣ и продолжалъ писатъ. Онъ веравилъ въ 5 часовъ,
 записался въ своемъ кабинетѣ и дикривалъ до девяти ча-
 совъ; въ девѣту часовъ онъ забѣракалъ и предоуравилъ
 цирюлгнику бривъ и прихесывалъ себѣ; въ девѣту съ поло-
 виното онъ снова принимался за работу и работалъ до двухъ;

---

1. Histoire naturelle.

въ два часа отъ обѣда; — и такъ шло изъ дня въ день до кон-
ца его жизни. Онъ умеръ 16 апрѣля 1788 г.

Бюффонъ возмущенъ на свой настоящій путь въ 1739 г., после
того какъ его назначили управляющимъ королевскихъ садовъ;
онъ обратился тогда къ естественной исторіи и началъ собирать
свои матеріалы. О естественныхъ наукахъ онъ заговорилъ бле-
стиво и литературными языкомъ. Первыми два-три тома его, *Histoire
naturelle (universelle générale et particulière)* появились, какъ уже знаемъ,
въ 1749 году; весь оставшійся трудъ истре-
билъ за два неслыханно пригрозившія слѣдующимъ
годамъ. Мнения Бюффона были полезны попомощи,
ли ели въ этомъ трудѣ: Дюбантонъ (Daubanton, 1716—1800)
для анатомической части сочиненій, и для описаній птицъ
— Quéneau de Montbéliard и аббатъ Бексонъ (Bechon, 1748—1784),
авторъ, *Мозоріи Лозарингіи*.

Сущность сочиненій Бюффона не касается нашего пред-
мета. Только не менѣе мы должны отметить нѣкоторые
таковыя, какъ и въ легендарномъ анекдотѣ о личности
автора, слѣдуетъ съ недоверіемъ относиться къ пошлымъ
эпиграммамъ, направленнымъ прозвъ его сочиненій.
Мы должны пользоваться на языкѣ Кювье: Бюффонъ, вели-
кій умомъ. Онъ обладалъ ясною и точною научною
умомъ, онъ нечуждъ абстракціи, классификаціи и конек-
тной причинѣ, эти три неизбѣжныхъ источника заблуж-
деній. Онъ созерцалъ природу; онъ видѣлъ въ ней индивиду-

двуногий; она показывала ему явления, следствия, но никогда не указывала путей. Это-бы ни говорили, но онъ часто и близко наблюдалъ природу; онъ наблюдалъ и произво-
дилъ опыты, руководствуясь строгими методами. Онъ бралъ зоологическіе виды ракины, камилы находилъ ихъ въ при-
родѣ, — въ золь-не сътѣшеніи и въ золь-не изолированно-
сти. Такъ какъ надо было ввести сюда какой-нибудь поря-
докъ, онъ взялъ первое попавшееся ему подъ руку дѣленіе
на дикихъ и домашнихъ живорныхъ, сначала крупныхъ,
а потомъ мелкихъ. Онъ не придавалъ этому большого значенія.
Такое безразличное отношеніе было, можетъ быть, ошибочно,
такъ какъ весь экспериментальная наука многою частью
опредѣленія и классификаціи; но въ времена Гюффрона было
находилось еще въ самомъ началѣ, и надо было охраняться
болше всего воображаемыхъ, абстрактныхъ существъ и акри-
орнахъ суетель, — зумъ прензубий, долгое время задержки.
Важнѣе прогресса науки.

Гюффронъ первый ввелъ философскій взглядъ на природу,
произвоположивъ господствовавшему тогда геологическому
взгляду. Родкія изъ его суетель, гипотезъ, взглядовъ, объясне-
ній выдержали критику позднѣйшихъ знаменитыхъ и изъ-
следователей; но они все-таки бросили яркій свѣтъ на при-
роду, жизнь, организацию и происхождение вещей. Такимъ
образомъ Гюффронъ содѣйствовалъ къ развѣтленію средневека,
новое ярака, къ отдѣленію богословія отъ естественнаго

и въ освѣщеніи всей жизни человѣчества. Въ „Эпохѣ при-
роды“ (Epoque de la nature), звореніи еще болѣе зактыраетс-
я, смыслуетъ гипотезу Бюфрона сраетс объяснуетъ перво-
начальныя перевороты земного шара, но ручь его воображеніе
еще слишкомъ далеко запезаетъ за предѣлы научныя из-
слѣдованій?

Вся описательная часть естественной исторіи казалась Бюф-
рону скучной; долго въ толь, что онъ былъ пресиде всего фр-
лософъ: насныя фракцы интересовали его только своими внущ-
рентами свѣтлыми, зѣлыми своими, которыя они вносили
въ попытку общаго объясненія вселенной. Бюфронъ чув-
ствовалъ себя хорошо только въ сферѣ широкой общаго
взглядѣ, гопотезу о сущности мира, о поземной органи-
заціи и послѣдовательныхъ преобразованіяхъ живой или
одушевленной матеріи. Онъ первый собралъ и объяснилъ
массу фактовъ и дополнилъ ихъ гипотезами; онъ первый
далъ точное, подробное научное представленіе объ исторіи
вселенной; онъ заказалъ насъ присуществовать при вели-
кихъ геологическихъ пертурбаціяхъ, при развитіи жизни
на земли, при скромныхъ начинаніяхъ и удивительныхъ
успѣхахъ человѣка. Въ его попытке объяснить вселенную,
повидимому, много ошибокъ, пробталовъ и дерзкихъ уверен-
деній; но въ ней много чужихъ исхитовъ, много новыхъ и
глубокихъ идей, плодотворныхъ и смѣлыхъ предуверній.
Онъ предвидѣлъ ученіе о трансформизмѣ и, послѣ появленія

колебаний, основанная на гипотезе об изменчивости
 всех живущих видов. Теория Бюффона была популяри-
 зована научными кругами. Его теория геологических периодов
 основана на наблюдениях над насущными положениями
 земной коры, в которой разлагаются ископаемые слои и
 более раннего происхождения.

Бюффон не допускал в науку никаких мистифици-
 рующих выдумок и, прежде всего, никакого витализма
 религии, отнюдь не упоминал в своем сочинении
 о божестве; у него не было для этого повода. Он не по-
 рался объеденить начала вещей; он оспаривал эту не-
 разрешимую задачу. Для него было достаточно признать
 в данных фактах существование материи; чтобы его идеи,
 догадки были определены, как изменения связывающие
 настоящее положение с наиболее отдаленными прошлыми,
 до которых могут достигнуть наблюдения и гипотезы. Он
 усматривал вудея и божественное витализма и усматривал
 даже детерминизм явлений; он считал это спокойно, без
 шума и без раздражения нападков; он не был нечувствительным;
 он относился равнодушно к религии; она не входила
 в его область. Его сочинение не было боевым оружием для
 нанесения ударов религии и церкви; он излагал ересь.
 Великую истину ради ее самой, а не ради того, чтобы до-
 казать одну теорию или разрушить другую. Он спрашивал
 у природы, какова она и почему она считалась именно

заковой, а не о том, существовать ли Бог и знает ли он
его. Философы сердились на него за это; они не могли ему
просидеть, что в научном сочинении он хотел быть зато
чуждым.

Точно также Бюффон не писал с целью подрыва
общесущественных уверждений и моральных высказаний. В то
время как другие низводили человека до животного, у него
составилось очень высокое представление о человечестве; он от-
водил для него особое место в природе и ставил выше
всех окаменелых живых существов; он возвышал его, пре-
увеличивал его могущество и благородство. Он восставил
его единственным существом, способным к прогрессу и
пользующимся привилегией индивидуального гения, этого
неумного двигателя прогресса, — единственным существом,
созданным для правдивности и для нахождения счастия
в постоянном упражнении своих умственных способ-
ностей. Это уже не было возраж к природе, который про-
поволаивали философы. Он боролся высше с ними в
прогрессе, но он боролся по-своему. В его учие ученого,
привычного интона дало с неизменно решительными геологиче-
скими периодами и медленными преобразованиями все-
ленной, не было никогда лихорадочному незертанию,
правдивному возмущению, доказательным иллюзиям и
одназначным надеждам, воспламенявшим ум его
современников; он не боролся в обновление мира невозм-

данности переворотами, а зреть больше — в близкое будущее, не Эри Человеческого разума и всеобщего счастья. Они представляли себе прогресс человеческого в виде несомненно, но негубительных приобретений, через которые можно было подвести зольско герою больше промышленности времени.

Гюгронь оказал великий услуги науку и литературу; они освободили науку от контролировавших ее эскури, ей в области безвредия и безразличности, куда направляли ее философы, и они открыли для литературы новую область естественной истории; лучшего приобретения давно не выпадало на долю литературы. Вспомните и о том, что Ламарк и Жоффронь Селль-Мерль были учениками и про., знаменитыми Гюгронь и что Ламарк был великим французским предшественником Дарвина.

Мы знаем, что тогда наука была уже в моде; но Гюгронь заставил полюбить серьезную науку, науку из первых рук, чуждую спорной была беспорядка; гирая его, мы чувствовали себя далеко от той увеселительной физики и той мобилистских опытов, которые составляли, со временем фронтелла, одно из развлечений светской жизни. Но чтобы столько привлекательными свое суровое и безпристрастное соображение, Гюгронь должен был обладать замечательным первоклассным писателем. Имя, Гюгронь — одно из величайших суждений Франции, хотя Томас и Теллени

Французская история литературы XVIII в.

округленность и красивость фразы не замечено матерно, если и изысканности. Вольтер однако имел основание замечать, что, естественная история Бюффона не советом естественна; и Фраг совершенно справедливо замечает, что Бюффон выиграл у Руссо, являясь величайшим поэтом, замы XVIII века. Во всем отношении Бюффон величайшее и выше Руссо: отъ воскресил поэзию Лукреция, и его Эпохи природы (Epoques de la nature) напоминают по своей красоте и чистоте книгу Девети природы. Лукреция

Другим удавалось рисовать некоей видимой сферой природы; они вызывают в нас ощущение ея некоей газетных форм, разветвленных в безконечности пространства и времени и гармонизированных со свойствами души; но один Бюффон придает густоту природе всего его глубины; отъ обращает ея в философскую эпоху, при чем внезапная видимой природы сопровождается непосредственным ощущением той невидимой, божественной силы, которая проявляется в ней по неизменным законам; — а содержание ея насущного сферой вызывает в нас, в видъ меланхолического воспоминания, неопределенные и смутные образы отдаленных эпох, на образ, как и развалинах козоровых возникло наше существование. После Бюффона, описание природы, бывшее ранее только эмблематической землей, могло считаться землей для музыки.

Направление Гюгофрона, говорилъ Бѣре, распространяется
 о зоологическихъ взглядахъ Жоффруа де Сенж-Млера, и иногда
 исключительно цѣлое въ виду, какъ оно живетъ, взаимо-
дѣйствуетъ и особенно относится къ головкѣ. Читая письма
 Гюгофрона, поражается этой невозможной демонстрацїей, этимъ
равнодушиемъ къ страданію и пожеланію его времени, этой
регулярностью въ работѣ и строгой систематичностью, по-
 зволившими ему довести до конца задуманное и мнѣ вели-
кое сочиненіе, содержащее всего 44 тома. Его характеръ
 оцѣнкой величественности, какъ и въ его фигура,
 его манера держаться себя и его слова. Въ немъ было нѣжн-
ное благородство, много здравого смысла, успокоительности, глуб-
ины, полное отсутствие тщеславія и какого-бы то ни было
 мелкаго или низменнаго губежа. При полной достоин-
ства герца, оцѣнившимъ его въ высш. обществ. ^{Le. des sciences - Vaugelas} расцѣпленно-
сти, и иногда своимъ исключительнымъ происхожденіемъ возвышен-
ность его натурн; въ немъ не было ничего манушескаго,
~~и въ этомъ отношеніи мы не должны говорить~~ Магави,
сильной и миролюбивой, онъ создалъ для себя своего философію,
 своего мораль и свое счастье, построенная на исключеніи
страстей и на цѣлостной, созерцательной жизни; его кар-
 ьера предсказываетъ намъ прекрасное зрѣлище цѣлостнаго
существованія чужаго, безраздѣльно преданнаго наукѣ
и своему сочиненію.

Больше всего Гюгофронъ похожъ на своего великаго

заявили, что для оживления общества оро вредналь элементовъ
 нудитви пороки крови. Широко развивалася покаянная лире,
 ратура, сатурнесская поема сивильне нападала на короля,
 жода какъ на улицахъ ерлицы жодна вразидетно везро,
 чала и его, и фаворитку. Спорой двиснетий авлялись ре,
 перь салони, но жо были не ре сборища, едот прожекля
 коллодоев Волзера, едот обидево зримилосе шривой бол.
 зобней и логкиль вонскодучеволю. Микофорое изъ прези,
 никъ салонныхъ коридреевъ ченли къ Этому времени
 озоури на задний планъ, даше раскандрсе. Такова была
 чнасе оуручаного Тресе (1709-1777); бавинъ нурокець
 ледуировъ, оне жонко поелмелел пороиль надъ монашеволю,
 въ шурлявой поэмь Vest. Vest оне разказалъ похосидения
 попуца, воспизанного въ менскомъ монашеволю, мау.
 ценного развилъ благоосериванъ изресоидилъ, и, какъ
 рьдкоецъ, впрощенного на вренд монахинки другой
 обидели; по дорогы, на баркы, оне выучиваево у мадроево
 и солдаръ много крѣпкихъ словъ и соблазнительныхъ
 выразений и, везрогенной сначала зорисеволю, но,
 везроево въ законъ узнаево связить дѣво своего казарменъ,
 ного вонкоосево, что оне виддуво въ немъ воплощеніе
 дѣвола. Тарне бойкоецъ, въ связи съ мадерееволю карак,
 зерисеволю, еказалася и въ комедии Тресе Le méchant (Злой),
 въ ней оне о оскордительной весе.лоево везуавляево
 на показъ везо гнилъ везтаго обидево. Герой Этой поеме

надренный
 надренный

зона отъ кожи; она дала бы намъ для препровождения
времени; она имъ ругану въ лице. Кого въ этой
местности мы находимъ въ землеманіи, выказавшись по ея
поводу д'Арсансономъ: „Ты, кто нисколько въ обществѣ
славуръ за чужихъ людей, — покупаешь эту славу божьего
гасяго злобой и воровствомъ; они похотли на обез-
дню, или на дваволовъ, которые находятъ удовольствіе
золско во вредъ, какою-нибудь дряхлѣ, а если у нихъ
и осудятъ еще сколько нибудь охривенности и искренности,
они упреждають и въ золско на то, чтобъ хвастаться
своего содѣявшаго издѣяго.“ Васланна въ провинцію
по зредованію дубовенска, Тресе закосоваль, впасть въ
крайнего каботинства, выпускаль брошюры, въ которыхъ
кажся въ своихъ задумки; пресидій баловенъ
сжалъ всеобщимъ ^{зачемъ-то изъ Галицка} поетъ и шельмъ.

Теперь все измѣнилось, и гости, и хозяева салоновъ.
Пресидій законодательницы вѣща одиноко доживали вѣсь,
въ числѣ ихъ видимъ даровитую маркизу де-Дефранна, это
наибольше светскій женскій характеръ въ до-революцион-
ной Франціи. Никогда все живое въ политикѣ и литерату-
рѣ сходилось у нея; Волтеръ приносилъ ей свои первыя
произведенія, и вполнѣдушии всегда сражался сурогого
ея суда. ^{зачемъ-то изъ Галицка} Изъ Галицка во все и во вѣсь, она въ мѣну-
араль своихъ и въ охривенныхъ письмахъ къ Горацио
Валснормо оставила интересное описаніе, день за днемъ,

современной ей парижской жизни. Въ то время, какъ почти всеобщая ослепшая, но не утратившая остроты и раздражительности, она медленно угасала, г-жа Шан, сень (маде Даламбера) привлекала въ свой заливъ са, любовь даровитыхъ людей, щегольскія демократизмы. Несколько времени спустя въ г-ню Мофрремъ она, шла опасную конкуренцию, пошедшую еще дальше на встречу, къ выку. У последней собирались Дидро, Даламберъ, Тельвезиусъ, Талиани, въ ней съ уважениемъ относился Фридрихъ Великий, отъ нея узнавала все свѣжее ново- сти Бюхнера. Въ то же время присущие Руссо при- дало особый интересъ небольшимъ, изысканнымъ со- ризациямъ у г-ни д'Энне. Но въ зрѣнии датскими само- нами соперничали уже новѣе, музыкальные, пред- взвѣтны политическіе клубы; въ одиночку изъ нихъ царилъ подавляющій примелекъ въ чуждомъ мѣрѣ, богатой, красивой баловень судьбы Тельвезиусъ, будущій авторъ двухъ философскихъ книгъ, заслужившихъ говорить о немъ евро- пу; въ другомъ ласковомъ хозяинѣ являлся офран- цузскій баронъ Талейтъ. Оба они много обязаны были возбудительному вліянію посредничества столичнѣ съ образованнѣйшими людьми.

Эще примечательнѣе были необожженно счастливый подборъ новѣе талантовъ научнаго и общечеловѣческаго движенія, придавшихъ ему особый блескъ и сдерживавшихъ

сплошная сила для общего гурда. Почти все это выходцы из низших слоев общества, едва зарабатывающие себе кусок хлеба, но полные великих надежд, и нередко связанные узкою друждой. Такова, напр., группа Дидро, Даламбера, Котиньяка, къ которой принадлежал и М. М. Руссо, сын Женевакого часовщика, спешивающий (как мы это уже знаем) - прощание теретской поро и кое-какими композитивами для оперного театра.

Мы обратимся теперь къ тем писателям, которые во взорно полюбиву XVIII столетия продолжали развиваться и приводят къ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ просвѣщенія, новыя учения Локка и Вольтера. Новая поколѣнія не оза, навливаются на деизма Вольтера, и все больше и больше склоняются къ рѣшимельному атеизму и материализму.

Бисрога и легкость, съ какой деизм перуналъ въ атеизм и материализмъ, обидеваются двумя обидными, свалими. Во-первыхъ деизмъ, въ той формѣ, въ какой его проповѣдовали англійскіе вѣснбодушцы и зарѣмъ Вольтеръ, представлялъ теорію, которая уже по своему характеру своему, долго держалась не могла и сама вела къ собственному уничтоженію. Въ силу этого учения - оубрвеніе, церковныя авторитеты, положительныя религіозныя системы были оубррачены, и разуму одному давалось право преобладать новаго познания. Сначала успокоилась на признаніи верховнаго абсолютнаго

992

существова, бытие которого старались вывести рациональным
путем из содержания порядка и гармонии во вселенной.
Но понятие об этом существо было крайне бледно и не,
определенно: сами деисты утверждали только его бытие
и отказывались объявлять его сущность и качество; такое
понятие не говорило ничего ни утвердительно, ни отрицательно,
— и раздвигаясь с ним было очень не трудно, гораздо легче,
чем с положительным выведением. При этом де,
изм, основывался исключительно на разум и отрицал
обязательность каких бы то ни было других авторитетов,
завоевал свободу и независимость действительности, а не,
лицу. Очень скоро подверглись кризису и геология, по учение
о разумных существах в природе, на которых оно дер-
жалось, — и с устранением геологии ^{и палеологии} оказался немогущим
деизм. — Другое обстоятельство, способствовавшее басурной
слабости понятий и силе, — это содействие французского
обизмства того времени. (Какъ только уже известно, науро-
женіе французского обизмства было таково, что оно вся-
чески поддерживало и укрепляло оппозицию господ-
ствовавшимъ традициямъ; оно увлекало мыслителей
на пути кризиса и отрицания, усиливало брожение
идей и поспешно понижало георезниковъ къ даль-
нейшему анализу и развитию возникавшихъ учений.
Съ каждымъ годомъ духъ оппозиции все больше и больше
захватывалъ обизмство, отрицание становилось все рожде

и научнолитые.

Процесса перехода от примитив возростий к повзрасу, болше разжились пондривлись, ленте всего видень на Дидро, но сочиненияль возорало можно слыдишь за слытивши, мисль фаздами ^{фазисами} ~~проботрижельного~~ ^{уменд}. Но прегиде кльм разслонорге эти сочинения, ^{и должишь указать на мнкозорид особия.} мн должишь ознакамурсе сь мнкозорыки даннелии его шурин, шурин Дидро.

Денись Дидро (Denis Diderot). Возуржь урие пробо. 1713-1784.
валь силл свои во одаиль и зрагедиль, когда, во мейоль, шонь прелесуномь горномь городкн Ламуртн, на юмн, номь конць Шампанн, у есруного работника Дидро, но рекеелу позиевщика, но занимавалоед видтолкого инефруженцовь и изобртазателя осодало рода щипцовь, 5-го окрйбрь 1713 года, родилел парвай сын Денись. У него биль дядя каноникь, какь у Расина, и позоумь ребенка обракли дуровному званию, зтобн внослнхсудви занянт мнго дяди. Но если Дидро не едталел вчнго каноника позоумь, какь Расинь, за до ^{отнго} едталел философь и что еше не проеудилонкн для племянника дуровного мнца - напердмисломь. ^{афенсго мн.} Шалануливей двьмидцати лозннй вальникь полумиль урие ^{юмн} зуменце, его оудали во коллегито иезуитовь; позоумь онь хотель удвомаур во Па, ринь кь иезуитамь, но благоразумннй оудець предцире, диль его и оудаль его во Парисискую коллегито д' Ар, кура (d'Harcourt), адн малеикь Бисурро выуринел дреб,

исполнение обязанностей -

нимъ занимался, английскому, французскому и математике. Онъ работал не только для себя, но и за своихъ товарищей, составляя имъ сочинения на заданныя темы. Одному изъ нихъ онъ написалъ одиссею закуръ рота звонъ въ звонъ, что его чуръ не выгнали за это изъ коллегий. Выйдя изъ нея, Дидро пошелъ къ прокурору, но не хотѣлъ изучать оуди закона, а занимался всякими науками. Отецъ требовалъ, чтобы онъ выбралъ себѣ определенную профессию, самъ настаивалъ на своемъ энциклопедизмѣ; отецъ перескалъ выскладе содержание, самъ началъ давать уроки, плохо оплачиваемые, но позволявшие ему жить, какъ ему хотѣлось, занимаясь дѣломъ нравствъ. Сделавъ бытъ, онъ отказался отъ всякой профессии, чтобы оудаться литературы; работалъ въ книжномъ магазинѣ, часомъ бдѣствовалъ, но никогда не велъ правильного образа жизни. Бдѣствоетъ принуждала его принимать на себя какіе заказы, какъ составленіе проповѣдей для миссіонеровъ. Такимъ образомъ, свободно и живо занимался, онъ проживалъ десять лѣтъ, въ это время занимался и чтеніемъ изученіемъ Бракота, Локка и английской литературы вообще. Толдѣсмуъ рассказываетъ, что онъ на своемъ путешествіи по Франціи въ 1740 году слышалъ, какъ Дидро въ Паризскомъ обществѣ огомъ одушевленно оговался объ английской литературѣ и ее защищалъ противъ нападокъ французскаго.

Бэйлс ильволь, по свидѣтельству Кесмота (Kaisson) на
 Дидро въ до вранья болѣе влиятіе. Уднатида, проголо,
 давь болѣе сѣрости, Дидро упалъ въ обморокъ оу иероце,
 нѣ силъ въ одномъ зракцирн. Део накоржила ходнѣ,
 ка - и отъ давь себѣ слово не отказываеъ никогда въ
 понощи голодому.

Подлѣ него шили своиль зррдовѣ бѣднѣя шеници,
 ны, мауэ и догс - Дидро влюбилея въ догс и въ 1743г.
 шенилея на ней, неакозря на своего бѣднѣеъ, на несо,
 масіе оуца и нешмеламіе мазери. Хоуа шена родила
 елу догс и сима, однако бракъ эрозъ не билие счасливѣ.
 Малообразованная шеницима не могла соеаавиъ счасіе
 якого человѣка; она не понимала ни его ума, ни его
 характера. Даша Руссо, козорало Шареза Левассіеъ
 никудъ не била болѣе образована, оузываеуея въ себѣной
 книгѣ Исповѣди о шениъ Дидро не огеиъ хорошо.
 Дидро сошелся съ другимъ шенициномъ, г-мъ де Пюэге
 (Pouéguet), низкаго вѣроломного, но оурациного шениого
 плохого писарелѣ, и дѣлѣ зою, и тобѣ содермаеъ ее, на,
 писаль первѣи свои сочиненія. За „Писемно о сѣмъвѣиъ“
 его заперли въ Венсенскую зюрску. Заключеніе его
 било однако не зѣшѣлое; онъ пользоваея вѣнни удоб.
 сѣванни, обтодалъ у коменданца, принималъ вѣсѣлѣ, кого
 хотѣлъ; Руссо дѣвлѣея къ нему зуда съ проеадамѣ
 своей рѣчи - диссертаціи на конкурсѣ Дидроиской

академии по вопросу: полезны ли науки и литература.
 Микоховиче исследователи сообщают, что диссертация
 была написана в утвердительном смысле. Дидро
 посоветовал ему развить парадоксы о вреде иль-и
 Руссо, последовать его совету, осудил всю жизнь врагом
 цивилизации, чтобы не изжить отчасти приверженцу
 иль-и, но за то всю жизнь не мог проехать
 Дидро, что он должен был его на эту дорогу. Это эго
 вполне невторично, о чем мы уже говорили у Руссо.
 Философы в зрелом не осудил однако зверь в своих
 убеждениях и сознавая, что приближался к гаданию,
 чтобы узнать, скоро ли его выпустят на свободу. Он
 взял сочинения Платона и прочел в нем первая
 попавшиеся уроки, из которых заключил о скором
 освобождении. Это действительно случилось — и пошло,
 да из зрелой Дидро, которому в это время изжили,
 да его неодолимая любовница, с которой он про-
 жил десять лет, помирившись временно, девица,
 жи и переехал, сошел с дочерью погребенной вдова
 гитовника, с дочерью Софией Воланк (Volland), обра-
 зованной, очень доброй — живой немецкой, искренно
 любившей и почитавшей писателя. В 1759 г. пошла,
 кончил он с ней и, как как иль любовь его,
 балает на грядущее взаимное почитание, —
 связь иль продолжалась больше двадцати лет. Жена

Дидро не вьшала ей, но сама философь создала,
 это отъ поучнаеъ Дидро и, въ небольшомъ фило-
 софско-юмористическомъ сочиненіи „Сочиненіе о воемъ
 старомъ халазѣ“, говорить: „Чего жидкуъ оуъ человека, за-
 бившаго своего жему и дочь, вомедшаго въ долги, наре-
 савшаго буреъ муремъ и оуеоломъ.“ Въ Россіи были най-
 дены письма Дидро къ г. жму Волаанъ, оуъ 1759 до 1774
 года; изъ ниль всего лучше можно узнатъ писателю
 — какъ человекъ, коуъ въ ниль оеенъ много иуеуой бол-
 зовни.

Среди лихихъ затрудненій, бороба и всякаго рода
 опасностей Дидро велъ съ 1746 года изданіе „Энцикло-
 педіи“, возбуждавшей все болъшее и болъшее недоверіе
 какъ со стороны правительства, такъ и церкви. Когда
 въ 1757 году вьшла седьмой годъ, самый развѣтъ,
 тогда страшная буря, поднявшаяся при подвѣненіи
 первыиъ домовъ, усиллаа, озлобленіе клерикаловъ
 доушло вьсшей степенн и Д'Аламберъ, утомленныиъ
 преследованіями, покинулъ редакцію. Когда, заклинь
 образомъ, Дидро оуался однимъ во главѣ предпріяжія,
 коуорое было оеуановлено по приговору суда, тогда
 викарерина II, фолько-тно вьзидя на пресловъ посылъ
 іеуогскаго перевороуа 1762 года, приласла Дидро
 конларъ Энциклопедіи въ Петербургъ. „Литъ презъ,
 лагалмъ, писаль Дидро къ г. жму Волаанъ, полную

свободу, защиту, поощри, деньги, блестящее положение. Что
 вы на это скажете? Во Франции, во Франции образование,
 поэзия, наука, искусство, хорошего вкуса, философия —
 наша преследуется, а там, во варварских и свинских
пещерах, наша просвещенная рука поощряется и воз-
 вать дружелюбный прием? Они однако не потыкали,
 больше всего потому, что оубодъ его моя разорилъ книгу,
 продавец-издатель Энциклопедии, задрозившаго на нее
 значительный капитал. Но зреть же книгопродавецъ
 оубодаръ низкими похитками за его великодушныя.
 Менуганной криками и угрозами, отъ жидовско, и
 уже после подписи Дидро, выбрасывалъ изъ коррек-
 турныхъ листовъ смилкомъ прозидъ мудра и печаталъ
 законныя образцы неправленное или издание. Убодивъ,
 шилъ въ жолъ, что сразу Энциклопедии угрозы, пере-
 оталана, измънена, Дидро пришелъ въ ограднѣ и хо-
 зяинъ все бросилъ, но приближенное къ своему друзю
 взяла вервь. Онъ продолжалъ работу, но не выискала
 въ связь домовъ своей Энциклопедии. Сгорану его принд-
 ли московско значительныхъ лицъ. Ему покровитель-
 ствовали маркиза Полмадуръ, мангеръ и герцога Шца,
зель. мангеръ по своему званію директора книжной
 торговли, предубодили однажды Дидро, что на другой
 день у него будетъ оталана обиско и забвару всѣ его
 бумаги. — Куда же я спрячу въ такое короткое время всѣ

мои рукописи и кто возмечет хранишь их? спросил
 озабоченный философ. — Прими же их ко мне, охота,
 гавь Манзерд, у меня никак не вздумается искаж их.
Министер Мюазель покров писателя демократии — и без
 его содействия последние деятели тоталь Энциклопедии
 не могли бы явиться во свет. Дидро издал их в
 разном, в 1767 году. Поздней он был такой крик испод,
 вания, что король, впрочем благосклонно отзывавшийся
 о сочинении, должен был выдать предостережения клерикам,
 каролю — и Дидро замерли в Баулино, откуда однако
 выехали через неделю. Дидро не знала ни одного дня покоя.

Тогда государь работу прусского Ттербуль он девять
 месяцев писал за нее прошения и записки, хлопотал
 за нее у вельмож своих друзей, спал ее от злости и за
 все это только замарала ему репутацию, что клеветала на
 него, оскакала его везде оскорбляла. Для кричал
 своей дочери, швейцарца, неутомимого писателя по-французски,
 он переводил "Уроки клавиатура или правила гар-
монии Беккеридера". Для Мозоля дафину он создал
 несколько проэктов; но проекты бюджетных темных
 писал от имени их писателя к вельможам и загра-
 били между прочим герцога де ла-Вригера покров
 бременной их любовницы. Услужливо и доброта фи-
 лософа были так известны всему, что однажды ко-
 неку пришел изобретатель какой-то поправки с просбой

1000
написал рекламу его изображению. Дидро рассердился, но все-таки написал объявление. Оно исправлено в кор. рецензуре сочинения Толстого и Разговоры аббата Талевани о доработке Лаврова. Вскоре года сряду отъ принимал у себя одного Бидьяка, кормил его, давал ему плату, деньги, поручал ему переписать рукописей своих и Толстого; оказалось, что этот Бидьяк был шпионъ, подделавший министерство полиции. Дидро был по-расчету зримъ окруженъ, но продолжалъ добротнеть первому безрочному. Другой Лавровам, чтобы писателя выбрали въ академики. Безхарактерной король оубъ, галь, что отъ никогда не согласуя утвердить награде, не философа - такъ какъ у него очень много враговъ.

Взрослая дочь Дидро, оставшая въ шивахъ изъ воздержанъ друзей, была безъ приданого. Чтобы помочь зю, му и поправить ходъ немного свои дела, она решила продать свою библиотеку. Узнавъ объ зюмъ, черезъ своего посланника въ Парижъ, князь Толстого, Экардина II купила ее за 15,000 франковъ съ галь, чтобы Дидро конь, зовался он до своей смерти и получалъ, въ то же время, зысвну франковъ жалованья, какъ библиотекарь. Черезъ два года императрица послала ему жалованья за пятьдесятъ летъ впередъ. Такимъ образомъ; писалъ Дидро г-ню Воланъ, я обвзавъ по собасри прошитъ ндуде, сездъ лудъ. Не да закуно цедроерт, за закое вниманіе

1) Въ 1767 году его снова приглашали въ Бергбуръ.

мейстера, было на благодарить императрицу. Дидро потахалъ наконецъ
 въ Петербургъ, ^{въ 1773 г.} Екатерина приняла его чрезвычайно ласко-
 во, спрашивала его о событияхъ, заговаривала съ нимъ о полици,
 зтъ и философи, поручала ему составленіе плановъ раз-
 суженій президентіи. Я вступилъ очень часто съ Дидро, ни,
 сала Екатерина Волыну, разговаривать нашімъ мѣсяцъ кон-
 ца; у него необыкновенная голова и весь люди должны
 бы имать такое какъ у него сердца? А Дидро писалъ къ
 г-ну Воланъ: „Кабинетъ императрицы открытъ для
 меня всѣмъ днемъ отъ 3 до 5-ти, даме до 6-ти часовъ.
 Я вхожу, меня приглашаютъ садиться; я болдало съ своего
 обильного развѣдочнаго и ухода всегда долженъ сказать
 себѣ, что въ сужать свободныхъ людей у меня была думъ
 раба; а теперь, въ сужать, которую называють сужаю ра-
 бовъ, я чувствую въ себѣ думу свободного человека? Въ
 другомъ письмѣ къ ней же онъ говоритъ: „Я считалъ
 не только приятное, но и полезное нѣмецкое; меня
 принимали, какъ предъавиря чести и достоинства
 людей моей сужаи? Но философы не могутъ долго ожа-
 ваться въ Петербургѣ, здоровье его слабѣло и онъ вернулся
 на родину черезъ Голландію, не заглавъ въ Берлинъ,
 куда его приглашалъ Фридрихъ Великій — изъ уваженіа,
 сри, потому что не любилъ философа, „самонадѣян-
 ный зовъ козорого возмущалъ истребитель масъ
 свободы; какъ писалъ король д'Аламберу. Но Дидро

самъ не заковыль видяще монарха, когорый дакъ
легко принималъ тискумскую деституцию за тискумскую
свободу.

По возвращеніи въ Парижъ Дидро продолжалъ
серьезно заниматься литературными работами. Въ
начале 1784 года съ Дидро былъ легкий споръ, послѣдъ,
свѣдъ когорого свели философа въ могилу. Свѣдѣнникъ,
привѣдалъ философа, угваривалъ болшого оуракъ отъ
своихъ заблудженій. „Видѣ это произведешь дакой эффектъ
въ свѣтъ.“ говориль отъ. — „Видѣ да! оубокалъ философа,
но признайдегъ, что въ розне время это была да безъ.
судная лозилъ.“ И оти начали разговаръ о друголь: о
морали, о гуманности, о добротѣ дулакъ. Дидро хо-
дилъ съ зрудомъ, а шилъ въ куввердомъ эзасиль, и библі-
отека его была въ пядомъ. Это судрашно затруднило
его, и Тримиль, тоби помогъ другу, еще разъ придѣлъ.
нчиль къ щедрости русской императрицы. Она при-
казала наняръ великолѣпной домъ въ улицѣ Ри,
шеле для своего библіотекаря. Но отъ прошиль всего
домско двѣнадцаръ дней въ новой квартерѣ. Велеромъ
24го июля вокрукъ болшого собралиль его друждъ. Шолъ,
ковали о философи, и Дидро объявилъ, что „первой
шайль къ философи — безвѣріе.“ Это болли его послѣдъ,
нйя слова, отъ вналъ въ безнамярехво и чкаръ на
другое утро 30 июля. ^{1784 года} Свѣдѣнникъ церкви св. Роше

1) въ октябрь мѣсяцѣ 1774 года,

✕
 Такая как жена Дидро, малообразованная
 женщина, не могла созрывать слазие его, не по,
 никада ни его ума, ни его характера, зо онъ сошлея
 въ другого женщины, женою молодого тисафеля, и
 для зого, чтобы содержать ея, ^{и семейство} написалъ первый свои
 сочиненія: „Опытъ о государственъ и добродетели“, „Философскія мысли“, „Прогулки скептика“, „Объясненіе природы“ и др. Въ первомъ своемъ сочиненіи, въ
 „Опытъ о государственъ и добродетели“ (Essai sur le mé-
 rite et sur la Vertu), которое было написано подъ
 вліяніемъ книги Шерфедора и вышло въ 1745 году,
 Дидро еще срачь на зочкь зръмій оукровенія.
 Но уже очень скоро послѣ зого первого опыта,
 въ его „Философскія мысли“ уже засраемъ Дидро
 оузумившимся оу оукровенія и признающимъ
 ученіе деизма, которое онъ прозивнополагаетъ Фра-
 нцузскому суетарію. Несмотря на зо, что уже
 нами упомянуая книга „Les moeurs“ (Нравы) Муссе-
 сена была соизнена палачомъ, Дидро выпустилъ
 вслѣдъ ей свои „Философскія мысли или „Фило-
 софскія развѣтленія“ (Pensées philosophiques) и „Про-
 гулки скептика“ (La Promenade d'un Sceptique, 1747),
 во многомъ дополнившія воззрѣнія Муссена.
 Прозода и веное изложенія, позволявшія масстѣ
 легко усвоить сложныя вопросы вѣры и науки,

+) женою, дочъ и
 сына

Унесо зря на Мерорію Трецин Temple Мануан'а, зри зема,
 1743 г. и Медицинскій словарь Дюемеса (Famel), 1746 г. — пере-
 водъ для книгопродавца Briasson'a

образили обилие внимания на неизъяснимого автору,
а когда и его произведений были сочинены, репура,
ция его упрочилась.

Въ „Философскихъ размышленияхъ“ Дидро го,
боритъ объ адептахъ и раздѣляетъ ихъ на три клас.
са: наследственныхъ адептовъ; злыхъ, которые не знаютъ
вторить или не вторить и готовы рѣшить Эзръ
вопросъ въ орель или ^{запрет} рѣшимую; или Дидро называ-
ваетъ адептами-скептиками, — изма адептовъ фран.
франконовъ, которые только показываютъ видъ, что они
ни во что не верятъ. Я ненавижу ^{франконовъ} франконовъ,
прибавляетъ Дидро, и жалко о наследственныхъ аде-
птахъ: гдѣ нѣтъ нѣтъ никакого утешенія; за
скептиковъ я молчу Богу, потому что они не про-
свѣщены. Металогическое доказательство занима-
еть въ „Философскихъ мысляхъ“ видное место.
Здѣсь мы находимъ то извѣстное мѣсто, которое
обыкновенно приводится въ предисловіи исторіи
литературы: нехитрымъ мельчайшаго мимолетнаго,
говоритъ Дидро, вынуждается насъ въ признанію
абсолютнаго интеллигентнаго существова, устроена
въ вселенной; крыло бабочки, глазъ мошки —
представляютъ наглядное опроверженіе адепта.²⁾

Прошло два — три года, и эта точка зрѣнія
убѣдительнаго генсека покалебалась. Писатели во взорно

1) изданный въ 1748г.

2) Въ дополненіи къ этому труду представляется сочиненіе: „De la sup-
pliance de la religion naturelle“. — Прозавъ геологіе направляетъ

его наперлезу: Reverſion d'un philosophe, гдѣ философъ единарь догослова въ дараній разъ. Въ
Reverſion d'un philosophe avec la Maxime ^{xxx} безпримордъ уже нѣкозорнй основивей урелій дар,
випузла.

8006
половину XVIII столетия продолжалось разбивать и при-
водить къ далѣйшему полнѣе развитію просвѣщен-
ныя ученія Локка и Вольтера. Новая школа не останавливалась на деизмъ Вольтера, и все болѣе
и болѣе склонялась къ рѣшительному атеизму
и материализму.

Вольтера и Локка, съ какою деизмъ черпалъ
много атеизму и материализму, объединяющая двумя
объединялись. Во-первыхъ деизмъ, въ той формѣ,
въ какой его проповѣдывали англійскіе богослужа-
щие и зарать Вольтеръ, представлялъ теорію, кото-
рая еще по самому характеру своему, долго дер-
жалась не могла и сама вела къ соборенному
уничтоженію. Въ силу этого ученія — оупрощеніе,
церковныя авторитеты, положительныя религіоз-
ныя свѣдѣнія были оупрощены, и разуму одному
давалось право устанавливать новыя понятія. Сна-
чала успокоились на признаніи верховнаго
абсолютнаго существа, божіе котораго старались
вывести рациональными путями изъ созерцаній
порядка и гармоніи во вселенной. Но понятіе
объ этомъ существѣ было крайне блѣдно и неопре-
дѣленно: сами деизмы утверждали только его
Божіе и отказывались объяснять его своимъ
сущемъ; такое понятіе не говорило ничего ни чуждымъ,

ни воображением, — и разсуждаясь с ними было очень
 не трудно, гораздо легче, чем с полемическими
 противниками. При этом деизм, основываясь на,
 исключительно на разум и отрицая общезначимое
 как бы то ни было другие авторитеты, сам
 давал свободный простор дальновидному анализу.
 Очень скоро подвергли критике эту зелеологию, по
учению о разумности вещей в природе, на ко-
 тором он держался, — и с прекращением зелеоло-
 гии оказалась немыслимой деизм. — Другое обещ-
 ательство, способствовавшее быстрой смене понятий
 и суждений, — это создание французского общества того
 времени. Настроение французского общества было
 таково, что оно внешне поддерживало и укрепля-
 ло оппозицию господствовавшим традициям,
 оно увлекало мыслителей на пути критики и
 отрицания, усиливало брожение идей и порождая,
 но поощряло теоретиков к дальновидному ана-
 лизу и развитию возникавших учений. В каж-
 дый год дух оппозиции все больше и больше
 захватывал общество, отрицание становилось
 все резче и неумолимее.

Процесс перехода от преданных воззрений
 к новым, более резким понятиям, лучше
 всего виден именно на Дидро, по сочинениям

которого — какъ мы уже могли убедиться — можно счесть
 дурь за сбитыми шпильками фразами просветительского
 учения. Сначала Дидро сформулировал на языке зрения от-
 кровения. Но уже скоро мы замечаем его отрывки,
 шившиеся от откровения и признающего учение
 деизма. Однако, прошло два-три года, и эта точка
 зрения удобнейшего деизма поколебалась. Сердце,
 наш гандид естественного происхождения, особенно физио-
 логией, постепенно приводили Дидро к новому
 образу мысли, который и больше или с промислом,
 по крайней мере в недовольном сочинении, но,
 сившемся замечание: *L'Interpretation de la Nature*
 («Объяснение природы или мысли об изложении
 природы») и появившемся в 1753—1754 году. Здесь
 мы уже находим очерки нового мировоззрения,
 на которое и основались Дидро и которое он
 продолжал разъяснять в своих дальнейших
 трудах. Основной жекой этого нового мировоззре-
 ния служит мысль об единстве всей природы;
 присутствие теории дуализма окончательно замкну-
 та учением о понятии?

Но репутация Дидро возрасла еще дальше
 с его письмами: *Lettre sur les Aveugles muets*
 («Письмо о слепых» 1749) и *Lettre sur les Sourds
 et les Muets* («Письмо о глухих и немых», 1751).

Между тем для Энциклопедии Дидро ознакомился с *Трак-
 том* (Васо) и прежде всего с *Лейбницем* и *Вольфом*.